

Н. Алимбай

Центральный государственный музей Республики Казахстан
(E-mail: malika-94kz@mail.ru)

**Семипоколенная экзогамная структура «Жетіата» как община-социум*
(к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников)**

Аннотация. Этнически характерной организационной формой общинных отношений у казахов-кочевников был род – так называемая семипоколенная экзогамная структура «жетіата», объединившая группу кровных родственников в пределах семи поколений по отцовской линии и синтезировавшая в себе практически все типы и уровни социальных отношений в кочевой среде. Ее известная демографическая ограниченность во времени и пространстве и территориальная локализованность, а также отграниченность от подобных структур обеспечивались экзогамным барьером семейно-брачных отношений. Подобная локализованность, а также относительный автономный режим функционирования данной структуры получили мощное идеологическое и историографическое обоснование в генеологической традиции – «шежіре» и обусловлены социально-экономическими, природно-экологическими и институциональными факторами.

Ключевые слова: кочевая община, семипоколенная экзогамная структура – «жетіата», «бірата», патронимия, общественные отношения, родовая территория, логика, структура, организационная форма, функция.

К постановке вопроса. Обсуждаемая проблема лаконично обозначена в заглавии настоящей статьи. Ее главный смысл заключается в попытке историко-этнологического и теоретического обоснования ключевого положения о так называемой семипоколенной экзогамной структуре** как общине-социуме. Речь идет о главенствующей форме самоорганизации казахов-кочевников. В таком качестве «жетіата», будучи родом-общиной (социумом), является и базовой организационной формой функционирования социальных отношений в кочевой среде. Естественен вопрос: почему именно «жетіата», объединившая в историческом прошлом группу преимущественно кровных родственников в пределах семи поколений по мужской (отцовской) линии, функционировала как община-социум? Думается, ответ находится в плоскости выяснения тех компонентов и свойств «жетіата», которые в своем взаимозависимом и взаимообусловленном единстве обеспечивают ее функционирование как самодостаточной структуры, т.е. социума.

Во-первых, в кочевой среде из всех известных таксонов только «жетіата» имела унаследованную из поколения в поколение свою территорию с ее соответствующими кормовыми и водными ресурсами, представляющую собой одновременно и базовое естественное условие, и экономический фактор воспроизводства жизни в условиях кочевого типа естественной общности.

С точки зрения кочевника мощным подтверждением изначальной «природной» принадлежности общинно-родовой земли к своему роду выступают следующие знаковые объекты-маркеры как естественного, так и антропогенного происхождения: а) сезонно используемые традиционные стоянки для поселения в теплое время года и «қыстау» с прилегающими пастбищными угодьями – «жайлау» (летовка), «күзеу» (осеннее пастбище), «көктеу» (весеннее пастбище), «қыстау» (зимовка), а также б) соединяющая эти сегменты разветвленная сеть кочевых маршрутов и троп; в) родовое кладбище – обиталище могучих покровителей рода – духов-аруахов; г) традиционно почитаемые всеми членами рода особо примечательные природные объекты – отдельные водные источники (озера, реки, родники и т.д.), некоторые горные, пересеченные и равнинные местности (в частности, горные пики, урочища, холмы и т.д.), роши, одиноко растущие деревья, особенно у родников. При этом действенность и устойчивость межпоколенной коллективной (общинно-родовой) памяти о таких и других тому подобных природных объектах обеспечивалась циклом легенд, мифов, эпических произведений, а также соответствующим комплексом ритуально-обрядового действия. Освященные традицией эти и другие знаковые маркеры-объекты вкуче с указанными жанровыми формами фольклорной традиции образуют своего рода идентификационное пространство, пространство территориальной идентичности членов рода-общины. Семантика этих и других им подобных знаков-маркеров, включая отмеченные фольклорные жанры, удовлетворительно разъясняют мотивацию исключительной привязанности членов рода (по понятным причинам, прежде всего, их мужской части) к родовой территории***.

Изначальная принадлежность родовой земли к определенному роду-общине («жетіата») и обусловленная с этим обстоятельством неприкосновенность и целостность такой территории получили мощное идеологическое и историографическое обоснование в генеалогической традиции «шежіре» и достаточно жестко защищались обычноправовой практикой.

Во-вторых, наличие территории, как уже отмечалось, означает и наличие необходимого естественного-природного условия и основного экономического фактора функционирования «жетіата» как основного непосредственного жизнеобеспечивающего пространства для кочевников по крайней мере в условиях казахского номадизма. Основными составляющими данного социального пространства выступают хозяйства «бірата» (или «ата балалары», «бір атаның балалары»), в которых, собственно говоря, и создавался минимум средств к жизни и перманентно осуществлялось воспроизводство личности общинно-родового типа (социализация личности). Однако «бірата», будучи большесемейной группой, объединившей несколько кровнородственных семей во втором, нередко в третьем колене по отцовской линии, не является парцеллярной структурой. Свою функцию субъекта воспроизводства необходимого минимума жизнеобеспечивающих средств и самой жизни «бірата» осуществляла в той мере, в какой она находилась в взаимозависимых и взаимообусловленных связях с другими «бірата» в рамках «жетіата». Такое структурно-функциональное состояние «бірата» особенно рельефно выражается в системе отношений собственности на пастбищные угодья, водные источники родовой территории: данное патронимическая структура не была реальным субъектом в системе землепользования. Она пользовалась лишь правом эксплуатации водных и кормовых ресурсов, выделенных ей соответствующих участков пастбищ, достаточных для содержания скота в нормальной кондиции.

С точки зрения сбалансированного взаимодействия основных составляющих известной триады – человека, социума, природной среды – в условиях казахского кочевничества единоличным корпоративным субъектом собственности родовой земли выступала «жетіата». Такое монополизированное право «жетіата» как «верховного» собственника на родовую землю было санкционировано традицией и обеспечивалось институционально. Но отнюдь не в смысле непосредственного главного экономического субъекта собственности на землю. Ее отмеченная субъектная функция реализовывалась посредством таких общинно-родовых институтов, как «би», «рубасы» (глава рода), «ақсақал» (старейшина рода), «билер кеңесі» (совет биев), «бидің билігі» (суд биев), «ақсақалдар кеңесі» (совет старейшин) и т.д. Это означает, что сущность функции «жетіата» как единоличного «верховного» собственника на землю заключалась в обычноправовом управлении и регулировании земельных отношений преимущественно между «бірата» как реальными субъектами водо- и землепользования, то есть указанная функция «жетіата», в сущности, носила распорядительный характер, отличавшаяся, однако, достаточной жесткостью и некомпромисностью. В частности, речь идет о жесткости наказания лиц, неоднократно пасших скот на чужих пастбищах, особенно на территории другого рода, не имея на то разрешения. Такое нарушение, согласно обычноправовому установлению, называлось «өріс бұзар» (что примерно означает грубое нарушение сложившегося порядка пользования пастбищем). В кочевой среде, особенно в доколониальный период, субъект правонарушения за «өріс бұзар» достаточно сурово карался: по решению «бидің билігі» нередко приговаривался к смертной казни или к уплате «айып» (штраф за тяжкие преступления), состоящий из «үш тоғыз» (букв.: три девятки).

В-третьих, «жетіата» обладала всеми необходимыми людскими ресурсами для организации и стабильного функционирования соответствующей жизнеобеспечивающей системы. Расчет автора настоящих строк, произведенный на основе вычисления количества членов семьи, а также численности большесемейных групп «бірата», образующих состав «жетіата», позволяет более или менее удовлетворительно представить общую численность членов последней – обоих полов, включая детей, в пределах 3650–6000 человек. В качестве предваряющего условия репрезентативности нашего расчета отметим следующее очень важное обстоятельство: по общепринятому в науке усредненному подсчету считается, что среднестатистический состав семьи состоит из пяти человек – родителей и трех детей, поскольку подобная численность семьи является более или менее удовлетворительным нижним оптимумом-пределом для воспроизводства населения.

Эти среднестатистические показатели состава семьи в целом подтверждаются и данными о количестве членов семьи казахов-кочевников. Действительно, если учесть, что в каждой среднестатистической семье казахов-кочевников было в среднем от 4 до 7, а то и до 8 человек, то число членов большесемейной группы, объединяющей три, иногда четыре семьи во втором колене по отцовской линии, т.е.

состоящей из трех-четырех семей родных братьев, примерно составляет 15-25 человек. В третьем же колене численность членов обоих полов, включая детей, объединенных по патрилинейному принципу счета родства в большесемейную группу, доходит от 45 до 60, нередко и до 70 человек. В четвертом – составляет в пределах 135-150. В пятом – от 405 до 500. В шестом – 1200-1300. В седьмом – 3650-5000, а иногда доходящем и до 6000 [1, 50-54 б.].

Представленные данные, конечно же, носят относительный характер, но они достаточно репрезентативны в том плане, что позволяют реально представить демографические пределы и социальные границы «*жетіата*» как общины-социума.

В-четвертых, каждый «*жетіата*» назывался по имени единого для всей мужской части общинников предка, который, с точки зрения кочевников, является и основателем рода. Наличие такого персонафицированного микроэтнонима-самоназвания достаточно определенно свидетельствует об актуальном существовании и функционировании территориально и генеалогически локализованного самосознания членов «*жетіата*» как рода-общины. Самосознание членов «*жетіата*», особенно из мужской части, активно подпитывалось отмеченными выше знаковыми символами-маркерами соответствующей родовой территории, местной фольклорной традицией, а также комплексом ритуально-обрядовой практики жизненного цикла и т.д.

В-пятых, институт запрета брака внутри рода до семи колен включительно выполнял две очень важные функции, особенно с точки зрения сохранения баланса между социумом и естественной средой обитания в условиях кочевничества: с одной стороны, запрет брачных отношений в пределах «*жетіата*» по «количественному» принципу «до семи колен», в конечном итоге, послужил установлению демографических пределов «*жетіата*». С другой – отграничение «*жетіата*» от других «*жетіата*» этим самым экзогамным барьером, в сущности, означает определение социальных границ этих же структур.

В-шестых, указанный экзогамный запрет-предписание активно способствовал и перманентному установлению новых родственных связей между «*жетіата*» на уровне всего этноса. Эти связи у казахов именовались «күдандалы байланыс» (буквально «родственные связи между сватами»). На самом деле содержание данного понятия гораздо шире – субъектами этих связей становились практически все члены обоих родов). Как уже отмечалось выше, такие родственные связи достаточно быстро превращались в действенные каналы межродовых отношений в самых различных сферах жизнедеятельности социума.

В-седьмых, из предыдущего исторически и логически следует, что благодаря запретному предписанию отмеченного экзогамного института, браки заключались только лишь между «*жетіата*». И данный сам по себе весьма примечательный факт является одним из фундаментальных признаков-подтверждений того, что «*жетіата*» по всем указанным выше структурно-функциональным параметрам и свойствам представляет собой, пожалуй, единственную классическую форму родовой организации в условиях казахского нomaдизма. В этом смысле совершенно был прав один из выдающихся представителей дореволюционной российской историографической традиции М.М. Ковалевский когда писал, что «основным организующим началом рода» выступает экзогамия [2, с. 103; 3, с. 5].

Вопросы историографии. В историографии рядом ученых утверждается, что к настоящему времени в научной литературе сложилось два направления изучения проблематики – так называемое родовое и общинное. На мой взгляд, существует еще и третье направление, связанное с изучением соотношения или даже структурно-функционального совпадения общины и рода в традиционных доиндустриальных обществах. Что касается родовой организации, то, несмотря на достаточно плодотворную и давнюю историографическую традицию, вопросы институциональной и социальной природы данного образования до сих пор относятся к области догадок и предположений [4, с. 3-53]. И здесь проблема изучения роли и функций родовой организации у казахов не исключение. Даже в специальных исследованиях по так называемой родоплеменной структуре казахского этноса, отмеченные вопросы практически обходятся [5; 6].

В интересующем нас аспекте вкратце остановимся на состоянии изученности общины в научной литературе, что имеет важное теоретико-методологическое значение, особенно с точки зрения необходимости выработки адекватной парадигмы научной реконструкции структурно-функциональной природы кочевой общины казахов.

Существует множество научных определений понятия «община». Согласно данным американского социолога Дж. Хиллери, которые приводит в своей книге «Символ и ритуал» знаменитый английский

ученый Виктор Тэрнер, еще в середине пятидесятих годов нынешнего столетия в научной литературе имелось «девятью четыре определения термина «община»» [7, p. 119; 8, с. 197; 9, с. 10-11]. Однако вряд ли следует согласиться с такими данными, поскольку эти показатели давно устарели и потому представляют лишь историографический интерес. Вероятно, количество существующих в исследованиях научных дефиниций об общине столько, сколько самих этносов, жизнедеятельность которых как в прошлом, так и в настоящем основана на общинном типе социальных отношений и потому являющихся объектом разнопредметных этнологических исследований.

За шестьдесят с лишним лет с момента опубликования данных Дж. Хиллери концептуальное пространство понятия «община» трансформировалось в новое количественное и качественное состояние: оно теперь включает в себя новые взгляды ученых в виде принципиально новых, нередко обновленных прежних определений общины. Однако структура этого пространства до сих пор представляет собой сочлененное единство достаточно противоречивых, даже взаимоисключающих подходов исследователей к определению базовых характеристик общины, понимаемой и как форма самоорганизации этноса, и как тип (организационной формы) социальных отношений в доиндустриальной этнокультурной среде [10, с.83-93; 11, с. 6-19; 12; 4, с. 3-53; 13, с. 9-23, 30-31, 36-38, 53; 14, с. 224-229 и др.].

Действительно, хотя общиноведение как ключевое научное направление в мировой социальной и гуманитарной науках имеет достаточно давнюю плодотворную научную традицию, тем не менее даже в новейшей историографии социальная и институциональная природа общины трактуется неоднозначно. В ней, например, наряду с действительной общинной формой социальных отношений у ряда ведущих в историческом прошлом традиционный образ жизни народов Азии, Африки, Австралии и Южной Америки, и современные более или менее компактно живущие вне своей исторической родины этнические общности также именуется общинами (например, армянская община, еврейская община, турецкая община, корейская община и т.д.).

К настоящему времени по истории изучения общины как главной организационной формы функционирования практически всех типов докапиталистических общественных отношений имеется ряд специальных историографических исследований [4, с. 3-53; 14; 15; 10, с.83-93 и др.]. Кроме того, вводные части многих монографических исследований и научных сборников по общинной организации содержат историографический разбор избранной каждым автором темы [12; 3, с. 3-14; 16; 17 и др.].

Такой способ подачи и организации материала сообщает научным построениям обоснованность их предметно-целевой установки и логическую завершенность.

Однако все эти работы посвящены анализу и обобщению научных достижений многих поколений ученых, преимущественно, в области африканистики, в меньшей степени, австраловедения. Доминирование в структуре мирового общиноведения африканского направления исследователи обоснованно объясняют тем, что «до сих пор Африка остается своего рода историческим заповедником общины» [12, с. 3], и что «проблема африканской общины включает почти все вопросы...: соотношение рода и ... общины», взаимозависимые и взаимообусловленные родственно-родовые, хозяйственные, институциональные и т.д. связи в структуре докапиталистических обществ, типология общинных образований и т.д. [12, с. 5].

Общепризнанные в международной историографии научные достижения российской африканистики, достигнутые даже в советскую эпоху, действительно полезны при научной реконструкции кочевой общины и как главенствующего способа (формы) самоорганизации казахов-кочевников, и как специфического типа социальных отношений в кочевой среде. В частности, предлагаемые российскими востоковедами этнически разнотипные модели африканских общин, прежде всего, можно использовать в качестве историко-этнографических параллелей. Здесь речь вовсе не идет о слепом подражании. Напротив, в таких случаях особенно необходим творческий подход к изучению богатого теоретического арсенала, сложившегося в результате научно-исследовательской деятельности не одного поколения общиноведов, в сущности, образующих основной корпус ученых в области африканистики. Речь идет о необходимости творческого использования теоретических положений данного научного направления с точки зрения структуры и функции этнически характерной, экономически и экологически обусловленной формой общинной организации у казахов-кочевников.

В интересующем аспекте, например, заслуживает особого внимания общеизвестное утверждение выдающегося этнолога, лингвиста, историка Д.А. Ольдерогге о хозяйственно-экономической направленности функции кровнородственных отношений в традиционных социумах. Смысл данного, безус-

ловно обладающего большим эвристическим потенциалом, утверждения заключается в том, что в доиндустриальных обществах именно кровородственные отношения в так называемой большой семье, именуемой в науке домохозяйством (англ. household), выполняют разнообразные хозяйственные функции. В этом смысле данная форма традиционной семьи представляет собой наименьшую экономическую единицу [11, с. 11].

В традиционной кочевой сфере казахов, отмеченному Д.А. Ольдерогге домохозяйству соответствует «*бірата*» (синонимы-варианты: «*бір атаның балалары*», «*ата балалары*»), представляющая собой объединение трех-четырех семей во втором, нередко, в третьем колене по мужской линии. Как следует из многочисленных источников по дореволюционной истории и этнографии казахов, именно «*бірата*» выступает едва ли не основным корпоративным субъектом воспроизводства и средств к существованию и индивида общинного типа, и самой общины. Эвристическое же значение цитируемой формулировки ученого, являющейся, впрочем, квинтэссенцией всей его статьи [11, с. 6-19] в том-то и заключается, что позволяет выработать качественно новый подход к изучению родственно-родовых отношений в кочевом социуме казахов, в особенности, разнонаправленных хозяйственных функций данного типа социальных связей.

Итак, в контексте этой и других формулировок ученого, да и многолетних теоретических достижений мирового общиноведения в целом, требуется принципиально новый ракурс видения социальной природы таких общеизвестных в кочевой среде казахов своего рода институционализированных узлов родственных связей, как «*жылу*», «*асар*», «*журтшылық*», «*немеурін*», «*сауын*», «*жүн беру*», «*май беру*», «*көлік майы*» и т.д. Кстати, в недавнем прошлом эти институты трактовались исследователями не иначе как имманентные для кочевой общины формы эксплуатации так называемого зависимого населения в кочевой среде [18; 19; 20 и др.].

В действительности же эти и другие «узлы» кровнородственных связей у казахов-кочевников представляют собой институциональные механизмы реализации хозяйственно-экономической функции данного типа социальных отношений.

В интересующем аспекте заслуживают быть особо отмеченными две историографические статьи известных востоковедов – А.И. Першица, А.В. Коротаева и А.А. Оболонкова [15, с. 142-160; 4, с. 3-53]. В обоих исследованиях достаточно подробно описываются истоки и основные этапы в истории сложения и развития российско-советского и постсоветского общиноведения как системообразующего научного направления в историографии доиндустриальных обществ. С точки зрения предметно-целевой установки настоящей статьи особый интерес представляют те части этих работ, где анализируются два ключевых направления – «общинное» и «родовое» – в истории российского общиноведения Оболонкова [15, с. 142-160; 4, с. 3-53].

Авторы подробно разбирают научные построения двух видных представителей дореволюционной востоковедческой традиции М.М. Ковалевского и Н.И. Зиберы, соответственно, являющихся, по их научно обоснованному выводу, основоположниками «родового» и «общинного» направлений в истории сложения предметного диапазона проблематики. Как пишут А.В. Коротаев и А.А. Оболонков, свою точку зрения на родовую организацию как общинную структуру, выполняющую, прежде всего, экономическую функцию, «наибольшей четкостью выразил Н.И. Зибер» в своем следующем утверждении: «В конце концов общинно-родовая организация имеет свой экономический *raison d'etre*, даже более, она прежде всего экономическая, а потом уже родовая организация» [4, с. 3-53].

Исходя из такой экономически четко выраженной позиции ученого в этом вопросе А.И. Першиц полагает, что «Н.И. Зибер близко подошел к марксизму», поскольку он «воспринял у Маркса главным образом экономическую сторону его учения» [15, с.143].

В отличие от Н.И. Зиберы, основоположник «родового» направления М.М.Ковалевский всегда отстаивал свою позитивистски ярко выраженную позицию в данном вопросе, которая нашла отражение в его следующей знаменитой формулировке: «Родовое начало есть начало общинного» [2, с.103; 4]. Данная формулировка М.М. Ковалевского с небольшой, но непринципальной корректировкой в сторону признания ученым экономической функции рода, и в дальнейшем послужила основополагающим смыслообразующим началом его многочисленных научных построений по общинной организации и родовой структуре. В этом смысле не совсем правы А.В. Коротаев и А.А. Оболонков когда пишут о том, что «... в дальнейшем М.М. Ковалевский в основном преодолел крайность своей первоначальной точки зрения» [4, с. 4].

Вкратце остановимся теперь на состоянии изученности кочевой общины казахов. С сожалением приходится констатировать то очевидное обстоятельство, что, несмотря на солидное количество литературы по теме, существующей историографической традиции оказалось не под силу изучение данного образования как главенствующей организационной формы социальных отношений у кочевников, весьма актуальной и необходимой для научной реконструкции механизма функционирования кочевого социума в целом. Причина тому – практически все исследователи рассматривают эту главенствующую социальную организацию только лишь в качестве «хозяйственной» [21; 19; 18; 22; 20 и др.].

Впрочем, такого рода концептуальные издержки свойственны и ряду исследований в области востоковедения и африканистики: «... основа внутриобщинных отношений, – пишет в связи с этим И.В. Следзевский, – полностью отождествляется с чисто экономическими связями (возникающими в процессе производства и присвоения материальных благ и услуг), а эти последние, в свою очередь, сводятся к чисто производственным отношениям (охватывающим непосредственно процесс производства или собственно экономический процесс – кооперацию, разделение и организацию труда). В результате община рассматривается как преимущественно экономическое, а не социальное объединение» [23, с. 77].

Думается, что природа такого рода издержки кроется в слепом следовании в ученой среде известной «истматовской» схеме «базис-настройка», которая неизбежно предполагала изучение общины как экономической структуры, а родовых отношений в качестве надстроечного образования. Потому что социальная природа этой структуры, по убеждению исследователей, жестко детерминирована характером базисных, то есть производственных отношений. На основании данного, возведенного в ранг господствующей социальной доктрины, ключевого «истматовского» положения среди ученых прочно укоренилось мнение, согласно которому изучение экономической структуры кочевого социума (и не только кочевого социума) является основным и единственным подспорьем для выяснения общественной природы данного типа социальности. В сущности, именно этим обстоятельством можно объяснить ставший уже историографической традицией сегментированный подход исследователей к отдельным аспектам и сферам жизнедеятельности кочевничества, точнее общины (например, родовая, социальная и т.п. структуры).

Как уже отмечалось, кочевая община казахов в науке в полном соответствии «хоздетерминистски» ориентированной исследовательской традиции также трактуется как сугубо хозяйственное объединение кочевников. Иными словами, исследователи под этим названием подразумевают любую более или менее устойчивую группу кочевников, объединяющихся лишь на базе общности своих хозяйственно-экономических интересов [19; 18; 22; 20 и др.]. Впрочем, эта точка зрения не нова – восходит к дореволюционной российской историографической традиции [24, с. 1-216; 23; 25 и др.]. В исследовательском арсенале дореволюционных русских ученых, статистов и чиновников различных местных колониальных административных структур и военных ведомств даже прочно укоренились термины «хозяйственный аул» и «аульная община». Особенно последнее понятие в качестве «рабочего инструмента» весьма широко и активно использовалось участниками практически всех экспедиций по «обследованию степных областей» и других регионов казахского края, организованных российской властью начиная со второй половины 90-х гг. XIX века [26; 27; 28; 29; 30].

Этой научной традиции, получившей наибольшее интенсивное развитие в русле «истматовской» доктрины в советскую эпоху, в сущности, продолжают придерживаться и современные исследователи, поскольку кочевая община, как уже было сказано, рассматривается только лишь как экономическая категория [18; 22; 19; 20]. Как следствие этого, структурно-функциональная природа данной общности трактуется усеченно – как «кооперация трудящихся индивидов по поводу всего производственного процесса» [22, с. 137].

Это утверждение с его ярко выраженным позитивистским духом приверженности «хоздетерминистски» ориентированной научной традиции лишь воспроизводит пронизанную таким же духом общеизвестную мысль Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, которые, в сущности, также охарактеризовали общину в качестве «...союза непосредственных производителей по хозяйственному использованию земли и иных природных производительных сил...» [13, с. 9-23, 30-31, 36-38, 53].

В русле такой «хоздетерминистски» ориентированной трактовки в содержание категории «производственные отношения» (которая рассматривается как синоним другой категории «отношения собственности»), хотя они совершенно разноуровневые понятийные образования) вкладывается лишь вещный, материальный смысл, при этом забывается, что производственные отношения – это не только отноше-

ния общинников по поводу производства средств к существованию, но, прежде всего, отношения по воспроизводству общинника в его разветвленных взаимозависимых связях с другими общинниками, с землей, скотом, даже со средой обитания. Иными словами, производственные отношения в кочевой среде – это отношения общинников по поводу воспроизводства общинных отношений как условий и механизма (способа) организации жизнедеятельности номадов. Не случайно в фокусе даже современных исследований отсутствуют такие существенные компоненты категории «производственные отношения» как распределительные, обменные, потребительские отношения. И как следствие этого, производственные отношения в исследованиях выглядят лишь как хозяйственные отношения. В контексте такой «хоздетерминистски» ориентированной познавательной парадигмы нетрудно понять стремление исследователей к объяснению содержания социальных отношений у кочевников в таких категориях и понятиях, как собственность, найм, совместный труд, которые долго господствовали в дисциплинарной политэкономии капитализма (и социализма!). Кстати, в этих категориях, в их адекватном онтологическом понимании, на наш взгляд, следует усматривать не столько антагонистические отношения баев и рядовых общинников, сколько специфику реализации распределительных, обменных и потребительских отношений в кочевой среде, т.е. механизм присвоения совокупного общественного продукта и его условий при посредстве общинных отношений.

Между тем, кочевая община – вовсе не моносоциальное образование, она представляет собой органический сплав разноуровневых и разнотипных статусных отношений самых широких социальных категорий – баев, рядовых общинников, биев, батыров, а также различных половозрастных стратов по поводу организации всей жизнеобеспечивающей системы номадов (освоения естественной среды, означающего органическую включенность общины в местный биоценоз, присвоения условий и продуктов совокупного общинного труда посредством действующего механизма производства, распределения, обмена и потребления последних). Причем трудовая, предметная деятельность «трудящихся индивидов» реализуется в той мере, в какой последние вовлечены в широкоразветвленные общинные отношения, представляющие собой отлаженную веками социокультурную технологию опредмечивания разнообразных видов социальной деятельности, в том числе – производственной. Это означает актуальную включенность трудовой деятельности «трудящихся индивидов» в структуру совокупного общественного труда, являющегося функциональным выражением общинных отношений в сфере общественного производства. Так что основным субъектом трудовой деятельности выступают не только, даже не столько, «трудящиеся индивиды», сколько сама община, выступающая как главный корпоративный субъект организации и регулирования жизнедеятельности номадов.

Не вдаваясь в подробности этого во многом запутанного вопроса, который вполне заслуживает быть предметом очень серьезного исследования и во избежание возможных упреков и недоразумений, сразу оговоримся, что для автора настоящей статьи община – это, прежде всего, социум с его автономным режимом функционирования. В этом смысле общиной в традиционной социальной среде, в данном случае, кочевой, на мой взгляд, следует назвать только ту структуру, которая обладала способностью к самовоспроизводству и саморегуляции. Однако автономность кочевой общины достаточно условна, ибо самодостаточная, автономная способность данной структуры к саморегуляции и самовоспроизводству обеспечивается в той мере, в какой она находится взаимозависимых и взаимообусловленных связях с другими себе подобными образованиями. Речь идет о многоуровневых, разнонаправленных и разнохарактерных межобщинных связях территориально-хозяйственного, социокультурного, идеологического и т.п. направлений, которые реализовались преимущественно институциональным способом. Понятно, что эти связи, которыми собственно и объясняется механизм функционирования кочевого общества в целом, обусловлены необходимостью перманентного воспроизводства условий, факторов и средств к жизни.

Методология (понятие «общественные отношения» как исследовательский инструмент). Автор настоящих строк в ряде своих публикаций, посвященных различным аспектам истории и этнографии кочевничества в Казахстане, сформулировал положение о кочевом обществе как общинном типе социальности [9, с. 10-61; 31, с. 185-193; 32, с. 208-221; 33, с. 99-110; 34; 35; 36]. Такой вывод непосредственно проистекает из объективной логики общественных отношений в кочевой среде. И это делает их отправной точкой размышления о природе кочевого общества казахов, на мой взгляд, имеющей «всеобщую силу определения» для всех этнически характерных, географически (экологически) и исторически обусловленных форм кочевничества в Евразии. Разумеется, не в русле столь привычной для отечествен-

ного кочевниковедения схемы «базис-надстройка», являющейся теоретическим фундаментом небезызвестного экономического редукционизма советского толка с его замкнутым «цеховым» и достаточно консервативным характером.

Наша бурно развивающаяся, особенно в последнее время, историографическая практика показывает, что любая позитивистски ориентированная (традиционная) трактовка понятия «общественные отношения» даже в современных научных терминах, говоря словами А.Кребера, «...ровно ничего не прибавляет к тому, что нам уже известно, а просто служит пикантной приправой» [37, р. 325; 38, с. 319]. Поэтому смысл предпринимаемой экспликации заключается в адекватном применении понятия «общественные отношения» в качестве (генерализированного и генерализирующего) исследовательского инструмента объяснения механизма реализации отношений различных категорий номадов по поводу воспроизводства жизнеобеспечивающих условий, средств и самой жизни в их соответствующей (институциональной) организационной форме. **В интересующем нас аспекте принципиально важно отметить, что понятие «организационная форма» означает присущую тому или иному социуму, в данном случае, кочевому, исторически, социально-экономически, социокультурно, и даже, экологически обусловленную определенную структурную комбинацию (организацию) системообразующих компонентов общественных отношений. Такое определение формирует методологически верное отношение к объекту изучения.**

Логика изучаемой реальности такова, что структурный статус (положение) и функции любого элемента общественных отношений должны изучаться в взаимообусловленных и взаимозависимых связях с другими их составляющими. Причем в постоянной проекции на деятельность людей как единственного созидательного начала в системе общественных отношений. Последнее уточнение весьма актуально, поскольку изучение мотиваций, целей, средств, предметов, объектов и результатов социально значимой человеческой деятельности в реальном историческом пространстве и времени означает изучение разнохарактерных структурно-функциональных связей между составляющими общественных отношений, т.е. собственно механизма функционирования социума. Общеизвестно, например, человек свою субъектную (и объектную) функцию реализует в той степени, в какой он находится во взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях с себе подобными субъектами социальной деятельности. Разумеется, при посредстве целеполагающих предметов и объектов, т.е. средств жизнеобеспечения. Отсюда следует, что эти и другие типы отношений – не только главное условие, но и способ деятельности людей, направленный на воспроизводство этих самих условий и жизнеобеспечивающих средств.

Итак, вопрос о связях – это, в сущности, вопрос о функциональном состоянии общественных отношений и наоборот. Очевидно, именно это и имел в виду выдающийся представитель классической социологии Т. Парсонс, когда писал, что «если же приходится прибегать к структурной системе как к позитивному элементу динамического анализа то должны быть найдены связи этих «статистических» структурных категорий и соответствующих им частных утверждений о факте с динамическими переменными элементами в системе. **Это связь осуществляется с помощью очень важного понятия «функция». Ее основная роль заключается в том, чтобы определить критерий важности динамических факторов и процессов внутри системы»** (подчеркнуто мною – Н.А.) [39, с. 388]. Сказано в свойственной ему манере достаточно абстрактно и обобщенно, зато точно.

Несколько слов относительно содержания понятия «общественные отношения», принципиально важных для целей настоящего сообщения. Основными составляющими (структурными элементами) общественных отношений являются не только люди, как субъекты социальной деятельности, но и объекты, предметы, средства и разноуровневые «каналы» ее реализации, рассматриваемые в их естественно-исторически обусловленных многоуровневых и разнонаправленных взаимозависимых связях. При этом в структуре общественных отношений основной системо- и смыслообразующей «связкой» выступают человеческие связи, которым, собственно, и структурируются, «организуются» и регулируются абсолютно все формы и уровни этих отношений.

В свою очередь общественные отношения в определенном смысле выступают как структура, одновременно и как «технология» (термин Э. С. Маркарян) социальной деятельности [40]. Последнюю же можно рассматривать в качестве функционального состояния общественных отношений.

В этом утверждении никакого противоречия нет, хотя, на первый взгляд кажется, что между его первой и второй частями (предложениями), где основными смыслообразующими понятиями выступают, соответственно, «социальная деятельность» и «общественные отношения», необходимая в таких

случаях определенная причинно-следственная связь отсутствует. На самом деле такая связь существует, и предложенная формулировка как раз базируется на взаимообусловленных и взаимозависимых связях между отмеченными «блоками» социума – общественными (социальными) отношениями и социальной деятельностью. Дело в том, что, как известно, именно в процессе своей предметной деятельности люди вступают в соответствующую форму социальных связей, т.е. определенную общественную форму этой самой деятельности. Иными словами, эти связи формируются и регулируются институционально и «технологически» целеполагающей человеческой деятельностью. В то же время фундаментальные принципы и нормы разнохарактерных общественных связей образуют своего рода «технологию», т.е. принципы, нормы и социальные каналы деятельности людей, включенных в различные уровни общественных отношений.

В рассматриваемом аспекте следует отметить особую системо- и структурообразующую роль социальных институтов в общественных отношениях в качестве их организационных элементов. Эта роль выражается в выполнении ими очень важных в жизни общества весьма разнообразных функций (мотивирующей, коммуникативной, когнитивной, регулирующей, даже рекреационной и т.д.). Этим самым нейтрализуются, уравниваются и устраняются нежелательные для всего социума всевозможные формы девиантного поведения его членов. Если учесть, что большинство членов человеческих обществ живет по общепринятым и общепризнанным в них нормам, принципам и установлениям, или пользуясь знаменитой парсонсовской терминологией, правилом «системы стандартизированных ожиданий», то вся структура общественных отношений – это, в сущности, институционализируемая структура. Это важное примечание объясняет (хотя, как подобает в таких случаях, достаточно обобщенно) механизм функционирования общественных отношений.

И еще об одном важном обстоятельстве, пожалуй, стоит особо сказать. Предложенное определение понятия «общественные отношения» должным образом предполагает естественный доминирующий характер того или иного элемента (или элементов) в зависимости от того, в каком историческом пространстве и времени, в какой исторически (в древности и средневековье - экологически) обусловленной организационной форме человеческие отношения функционировали. В традиционных обществах, например, в данном случае – кочевом обществе казахов, система неписанных правил, установлений и верований и тесно связанные с ними всевозможные виды ритуалов, обычаев и обрядов жизненного цикла этноса, будучи, кстати, органической частью институциональной структуры социума, в своем органическом единстве, в сущности, образовали основной механизм мобилизации социальной энергии общинников в русле реализации веками сложившихся принципов и норм общественных отношений. И это было весьма важным фактором поддержания всех элементов общества кочевников в динамически равновесном состоянии.

Итак, данная обобщающая характеристика общественных отношений в их наиболее общих структурно-функциональных чертах и свойствах позволила, насколько это возможно в ограниченных рамках настоящего сообщения, представить столь же обобщенный образ взаимодействия основных составляющих данного понятия, а значит – общий механизм функционирования человеческого социума как самодостаточной системы. Отсюда – эвристичность и операциональность данного понятия как базового (исходного) исследовательского инструмента адекватного моделирования поисковой ситуации, связанной с постановкой конкретной научной проблемы и выработкой оптимального способа ее решения, в нашем случае – кочевниковедения.

Род «жетіата» как община-социум. Попробуем теперь реально представить процесс «опредмечивания» содержания понятия «общественные отношения» применительно к традиционной социальной среде казахов. Из логики данного концепта вытекает, что структурными элементами общинных отношений у кочевников являются не только члены социума с их разнонаправленными и разноуровневыми целеполагающими социальными связями, но и практически все общественно значимые объекты, предметы, средства, нормы и принципы человеческой деятельности – территория, скот, различные виды орудий труда, локальное (общинное) этническое самосознание и самоназвание, всевозможные виды ритуалов, обычаев, обрядов жизненного цикла этноса, мировоззрение, система родства, генеалогия (*шежіре*), этнические стереотипы, морально-этические и обычноправовые нормы поведения, фольклорные традиции и даже кочевые тропы и маршруты (понимаемые как важнейшие элементы производственного процесса) и т.д., функционировавшие и как специфические способы и средства, и как «каналы» реализации социальных отношений. Эти компоненты в своем системном единстве, т.е. их сбалансированные

взаимосвязи по поводу производства средств к существованию и воспроизводства самого человека в его необходимом «общинном» качестве, собственно, и составляет механизм поддержания социума в равновесном состоянии, особенно в системе взаимоотношений с естественной средой обитания.

Как уже было сказано, главным и, пожалуй, единственным способом (формой) функционирования общественных отношений в условиях кочевого образа жизни, как и других традиционных социумах, была община, функционировавшая, в сущности, в форме «жетіата». **И тут встает принципиальной важности вопрос, какую этнически характерную, исторически и экологически обусловленную организационную форму имели традиционные социальные отношения казахов? Это действительно очень занятный вопрос, поскольку речь идет о такой организационной форме, которой, собственно, обеспечивалась самодостаточность функционирования общественных отношений у кочевников как автономной социальной системы.** Самодостаточность такой формы социальных отношений в кочевой среде, т.е. общины как социума означает ее способность к самоорганизации, саморегуляции и самовоспроизводству. Благодаря этим качествам община выступает самостоятельным субъектом и внутриобщинных отношений, и в системе взаимосвязей со своими окружениями – себе подобными структурами, природной средой и т.д.

Необходимость решения обозначенного вопроса логически выдвигает очень важную, можно сказать, центральную ключевую задачу – определение структурных составляющих этих отношений как непосредственных корпоративных субъектов хозяйственной деятельности и воспроизводства индивида общинного типа. Такой ракурс подхода к проблеме позволяет получить научно обоснованный ответ на поставленный выше вопрос относительно имманентной организационной формы функционирования общественных отношений у кочевников.

Речь идет о таких относительно самостоятельных, но только в непосредственно жизнеобеспечивающем секторе социума (хозяйство, быт, сфера «первичной» социализации человека и т.д.) базовых социально-экономических ячейках, которые в своем исторически, социокультурно, экологически необходимом количестве образовали соответствующую социальную систему - систему, обладавшую достаточной возможностью и способностью к самовоспроизводству и саморегуляции, оптимальную и с точки зрения сбалансированного взаимодействия с естественной окружающей средой. Речь идет об общине, функционирующей как социум.

Попробуем теперь отыскать эти самые величины с позиции их непосредственной жизнеобеспечивающей функции, благодаря которой они и являлись основными системо- и структурообразующими элементами рода-общины. Источники свидетельствуют (да и объективная логика реальности подсказывает), что именно большесемейная общность – «*бірата*», объединявшая группу кровных родственников в пределах двух, в необходимых случаях и трех поколений по отцовской линии, и известная в дореволюционных русских источниках второй половины XIX века под характерным названием «хозяйственный аул» и «аульная община», была основной производящей необходимого минимума жизненных благ ячейкой (напомню, что каждая семья у кочевников состояла в среднем от 4 до 7, а то и до 8 человек – родители и дети обоих полов. Среднестатистическая семья кочевника, как правило, состояла из 4-6 человек. Количество же входящих в «*бірата*» семей составляло 9-12, а иногда, хотя и редко, достигало 15-ти. Стало быть, общее количество членов «*бірата*», примерно, насчитывало от 45-50 нередко до 60-70 человек, включая и детей).

И здесь вполне возможен следующий каверзный вопрос: не вызовет ли центробежную тенденцию в среде данной общности тот факт, что каждая семья кочевников была фактическим собственником скота (хотя и персонифицированным) – данного главного «движимого» источника жизнеобеспечения и, обусловленным этим обстоятельством единственным субъектом эксплуатации соответствующих сегментов родовой территории (сезонных пастбищ, начиная со 2-й половины 70-х гг. XIX в. и сенокосных угодий). Однако в силу ряда факторов, прежде всего, хозяйственно-экономического, экологического, не в меньшей степени и бытового характера, природа жизнеобеспечивающей системы у кочевников устроена таким образом, что все жизненно необходимые крупные трудовые операции им приходилось выполнять только совместными усилиями: сезонные стрижки овец (весенние, осенние), возведение хозяйственных и бытовых построек (например, на зимовке и т.д.), совместный выпас скота, целый цикл работ, связанных с приемом и уходом за молодняком (окот), изготовление войлочных и кошемных изделий, предназначенных преимущественно для покрытия юрты, отправление наиболее значимых ритуально-обрядовых действий жизненного цикла, сезонное кочевание и т.д.

Вследствие этого данная патронимическая структура выступала как единственно главная социокультурная и производственная структура, то есть являлась непосредственным субъектом практически всех видов хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства человека общинного типа.

Выше уже говорилось о том, что «*бірата*» в системе земле- и водопользования была единственно реальным субъектом эксплуатации соответствующего участка родовой территории. Но только лишь в форме пользования. **В сущности, данная патронимия распоряжалась только растительным покровом и водой, но не землей – неделимой и неотчуждаемой родовой территорией, поскольку она является «всеобщим естественным условием» функционирования социума в исторически, хозяйственно-экономически и экологически заданном ритме.** Одновременно воспроизводя отмеченные структурные компоненты социальных отношений, община воспроизводит и свое «всеобщее естественное условие», что является фундаментальным фактором поддержания кормовых ресурсов пастбищных угодий в необходимой кондиции. Отсюда следует, что «*бірата*» не была самостоятельной производительной силой. Выше уже отмечалось, что свою функцию непосредственного производителя она осуществляла лишь в той мере, в какой она находилась в тесных отношениях с себе подобными структурами в пределах общины – «*жетіата*», особенно в системе земле- и водопользования. В таких взаимообусловленных отношениях, как свидетельствуют источники, находились 4-5 «*бірата*», члены которых (кроме матерей, жен и снох) ведут свою общесемейную генеалогическую линию от общего предка в третьем, иногда (по необходимости) в четвертом, даже в пятом колене по отцовской линии (напомню, что в историческом прошлом каждый казах, сам будучи членом определенной «*жетіата*», счет родства вел от себя по мужской линии до седьмого колена (т.е. «*жетініші ата*» или «*түп ата*», зачастую именуемый также универсальным названием «*ата-баба*»). При этом считал своими кровными родственниками всех членов этой самой «*жетіата*» (кроме матерей, жен и снох), поскольку, согласно родовой генеалогической традиции «*шежіре*», они ведут свое происхождение от общего седьмого предка – «*жетініші ата*»).

Именно отмеченные взаимообусловленные отношения между этими «*бірата*» активно способствовали осуществлению каждой «*бірата*» своей главной функции в качестве главенствующего корпоративного субъекта практически всех форм и направлений хозяйственно-культурной деятельности. В этом смысле данное объединение «*бірата*» следует рассматривать и как функционально интегрированную систему производительных сил.

Основная же функция «*жетіата*» – общины в сфере земельных отношений заключалась в общеправовом, властно-управленческом и генеалогическом регулировании системы землепользования, т.е. отношений между ее составляющими – патронимическими образованиями по поводу пользования соответствующими сегментами родовой (общинной) территории. Тем самым обеспечивался оптимальный экономический и общеправовой режим для сбалансированного взаимодействия между «*бірата*» в системе земельных отношений. **Это означает, что содержание отношений общинной собственности на землю нельзя объяснить лишь с позиции экономической категории «производственные отношения». Ибо община в кочевой среде в силу отмеченных выше обстоятельств не являлась непосредственным субъектом производства материальных и духовных ценностей.** Зато «*жетіата*»-община обладала монопольным правом субъекта собственности на всю родовую территорию. Такое право обеспечивалось монополизацией ею практически всех основных управленческих и властных функций (т.е. функций регулирования, управления, принуждения, наказания и т.д.) в полном соответствии с господствующим социальным порядком в общине.

Из сказанного следует, что отношения общинной собственности на землю состояли из нескольких взаимообусловленных и взаимозависимых уровней: отношений пользования, субъектом которых выступали «*бірата*» и системы управления, распоряжения и регулирования земельных отношений, единственным субъектом которой была сама община. При этом отношения пользования опосредствовались отношениями большесемейной собственности на скот, которые также являлись весьма существенными составляющими механизма реализации отношений общинной собственности на землю. **Поэтому отношения общинной собственности на родовую территорию представляли собой функционально интегрированный синтез многоуровневых отношений таксономически разноранговых субъектов (человек, «*бірата*» (большая семья), община) в системе землепользования.**

Резюмируя сказанное, можно заключить, что такой «сегментированный» способ реализации отношений собственности на землю в форме отношений пользования, в сущности, представляет собой один

из эффективных экономических факторов (одновременно и методов) рациональной эксплуатации ресурсов естественной среды обитания. Это – с одной стороны. С другой – обеспечения корпоративного единства общины как социума, поскольку такой способ исключал экономическую основу центробежных тенденций в общине.

Итак, свою хозяйственную и другие функции «*бірата*» осуществляла только лишь в качестве органической составляющей «*жетіата*». «*Жетіата*» же, будучи генеалогически и территориально организованной социальной системой, состояла из экологически и демографически лимитированного, экономически и социокультурно обусловленного количества «*бірата*». Разнохарактерные социальные связи родственниками-членами (близкими и дальними) различных «*бірата*» опосредствовались функциями данных патронимических структур. Так что в кочевой среде, как уже отмечалось, именно данная патронимия выступала как единственно возможный субъект хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства общинника. Но только лишь будучи в составе «*жетіата*» как необходимого институционального, экономического, социокультурного и даже естественно-природного условий ее нормального функционирования. В связи с этим особо отметим следующий принципиально важный аспект: «*жетіата*» не есть некое механическая совокупность определенного количества «*бірата*». Эта было бы слишком упрощенным пониманием существа вопроса в духе позитивизма.

Презентируемое положение о том, что «*бірата*» свои отмеченные субъектные функции осуществляла лишь в той мере, в какой являлась естественно-исторически, социокультурно и экономически неотъемлемой частью «*жетіата*» означает равноуровневые взаимообусловленные отношения между «*бірата*». Из этого факта конкретно-исторически и логически следует, что «*жетіата*» являлась исторически упорядоченной, социокультурно, экономически и экологически обусловленной институциональной (организационной) формой этих самых отношений. **Данный онтологически, логически и конкретно-исторически хорошо верифицируемый факт позволяет сформулировать положение в виде следующего силлогизма: «*жетіата*» представляла собой объединение экономически, экологически, демографически лимитированного, санкционированного традицией определенного количества «*бірата*» – основных производителей материальных и духовных благ, тесно связанных между собой кровнородственными, экономическими, социокультурными и территориальными отношениями.**

Вместе с тем «*жетіата*», будучи организационной формой этих самых отношений, функционировала не только в качестве главного (генерализованного и генерализующего) субъекта управления и регулирования внутриобщинных, но и межобщинных отношений. Следовательно, «*жетіата*» в пределах пространства жизнедеятельности всех ее составляющих была самовоспроизводящим и саморегулируемым социальным организмом, т.е. социумом-общиной.

Выше уже отмечалось, что социальные границы данного образования маркировались по «количественному» принципу «семь поколений», т.е. путем запрета внутри общины-рода брачных отношений до семи колен включительно. Такой «семипоколенный» принцип брачных отношений выступал как эффективный институциональный механизм регулирования исторически, хозяйственно-экономически и экологически обусловленных демографических пределов и оптимума ресурсных возможностей среды обитания рода-общины. Известная демографическая ограниченность «*жетіата*» во времени и пространстве, территориальная локализованность, а также ограниченность этой структуры от других аналогичных структур экзогамным барьером традиционных семейно-брачных отношений получили мощное идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции – «*шежіре*». Разумеется, отмеченный принцип (способ) маркирования, прежде всего, обусловлен разнохарактерными историческими и социокультурными факторами, а также лимитирующими ресурсными возможностями естественной среды обитания.

В контексте сказанного можно сделать вывод о том, что именно семипоколенная экзогамная структура «*жетіата*», т.е. род, функционировала как община-социум. Итак, несколько перефразируя общепринятую в среде медиевистов известную мысль К. Маркса**** о средневековой германской марке-общине [41, с. 472], применительно к кочевничеству, следует заключить, что кочевая община казахов существовала только в взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях ее составляющих патронимических структур (т.е. «*бірата*»). Эти же отношения, в сущности, и составляют структуру «*жетіата*» – общины, необходимой организационной формы их функционирования. Это означает, что именно в рамках этой структуры институционально, идеологически, социокультурно, производственно-эконо-

мически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и общинной личности, и семьи, и самой общины, то есть именно община функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий и средств, и самой жизнедеятельности номадов.

Способность функционировать семипоколенной экзогамной структуры как главной организационной формы общинных отношений у кочевников, т.е. как социума означает ее способность быть и активным субъектом практически всех форм и уровней внешних отношений – межобщинных, межплеменных, межжуровых и т.д. **Собственно говоря, и племя, и жур**** – это, в сущности, различные институционализированные уровни межродовых отношений. Вместе с тем данные отношения функционируют как своего рода идентификационное пространство родовой идентичности общины. Одновременно именно эти отношения выступают внешним стимулирующим фактором перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в пределах семипоколенной экзогамной структуры «жетіата», понимаемых как мощный сплачивающий и регулятивный механизм общины-социума. Такова, в сущности, институциональная природа синергизма кочевничества как общинного типа социальности.**

О совпадении рода и общины (вместо заключения). В связи с постулируемым тезисом о семипоколенной экзогамной структуре как общине, естественно, возникает давно дискутируемый в науке вопрос о совпадении рода и общины. Сама постановка вопроса о семипоколенной экзогамной структуре «жетіата» как общине-социуме весьма актуализирует эту давнюю, однако до сих пор нерешенную проблему. Следует сказать, что обозначенной проблемой занимались несколько поколений ученых в основном советского периода [10, с. 83-93; 11, с. 6-19; 15, с. 142-160; 12; 4, с. 3-52]. В опубликованных же в постсоветское время многочисленных научных работах, в основном востоковедческого плана, данная проблема затрагивается лишь попутно [42, с. 68-86 и др.]. С учетом сложившейся такой историографической ситуации, можно сказать, что эта проблематика в своем развитии, к сожалению, несколько застопорилась. Однако по моему глубокому убеждению, эта тема вовсе не утратила свою научно-познавательную актуальность. Во всяком случае, многочисленные источники самого различного происхождения, относящиеся, в первую очередь, к дореволюционному периоду истории и этнографии Казахстана прекрасно демонстрируют огромный эвристический потенциал избранного нами ракурса видения проблемы.

Речь идет о необходимости изучения механизма реализации социальных отношений у казахов-кочевников с точки зрения совпадения рода и общины. Вышеизложенные материалы, почерпнутые нами из различных источников, а также предлагаемая автором настоящих строк система доказательств, насколько это возможно в рамках этой небольшой статьи, думается, послужат подтверждением их совпадения, особенно в процессе социально целеполагающей деятельности общинников, т.е. взаимообусловленного единства этих двух начал, прежде всего, в функциональном отношении, что особенно проявлялось в процессе функционирования различных сфер жизнедеятельности социума. Этот факт достаточно определенно подтверждается на примере таких институциональных узлов родственно-родовых связей, особенно в сфере взаимоотношений между «бірата», как «жылу», «асар», «сауын», «көлік майы» и т.д., которые фактически осуществляли разнонаправленные хозяйственные функции. Поэтому, говоря словами известного российского ученого Д.А. Ольдерогге, «большая семья (в нашем случае «бірата»), иначе называемая домохозяйством (англ. household), составляет наименьшую экономическую единицу, фактически – реализацию кровнородственных отношений в сфере экономики» [11, с. 11].

Из сказанного следует, что подобная функциональная интегрированность родственно-родового и хозяйственного начал в повседневной экономической жизни кочевников, в сущности, представляет собой естественное перманентное состояние «жетіата» как общины-социума. Понятно, что отмеченная интегрированность этих двух фундаментальных начал в кочевой среде реализуется только лишь в взаимозависимом и взаимодополняющем единстве с другими факторами общественного производства – социокультурном, экономическом, экологическом, институциональном и т.д. Достаточно сильная позиция генеалогически организованных общественных связей в социуме, особенно заметно прослеживаемая в доколониальный период, не есть признак архаичности уклада жизни номадов, как полагает ряд исследователей в духе монистического материализма, а одна из составляющих способа самоорганизации кочевого этноса.

Заключение. Подводя итоги изложенному отметим, что проблема совпадения рода и общины в условиях казахского нomaдизма в настоящей статье рассматривалась в контексте и в рамках доколониального периода отечественной истории. Так сказать, в том естественном состоянии родового и общинного начал, в каком они пребывали в указанный период, как основополагающих системообразующих факторов в кочевом социуме казахов.

Понятно, что в условиях стремительного и наступательного утверждения колониального порядка в казахской степи со стороны российской короны «жетіата» как община-социум претерпел существенное структурно-функциональное изменение, особенно ее жизнеобеспечивающие параметры, что повлекло за собой изменения и в структуре традиционных социальных отношений у казахов. Эти обстоятельства, являющиеся, к сожалению, одним из практически не изученных аспектов национальной историографии, должны стать предметом специального изучения.

Примечания.

* Данная статья представляет собой дополненный и доработанный вариант ранее вышедшей публикации автора [35].

** Понятие «семипоколенная экзогамная структура» (вариант «семипоколенное экзогамное образование») в научный оборот введено автором настоящих строк. Данная когнитивная конструкция на практике оказалась весьма эффективным исследовательским инструментом адекватного определения и изучения и социальных границ и демографических пределов, а также внутреннего механизма функционирования «жетіата» как рода-социума (общины) [9, с. 10-61].

*** Как и во всех традиционных социумах, кочевник себя полностью отождествлял с родной, родовой территорией как естественным продолжением своего природного бытия, мотивируя это унаследованностью ее от великих основателей рода («жетіата») – своих предков. «*Кіндік қан тамған жер*» (примерный смысл данного фразеологизма: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков»), – говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразумевая изначальную природную принадлежность данной территории своему роду – общине.

**** Несмотря на обструкцию (порой не совсем обоснованную и корректную) научной теории К. Маркса, особенно со стороны его недавних приверженцев, она в своих существенных аспектах в мировой системе социальных наук остается одной из самых влиятельных социологических доктрин. В связи с этим достаточно напомнить о том, что выдающийся французский структуралист Клод Леви-Стросс при создании своих исследований, в частности, знаменитой «структурной антропологии» «... испытал сильное влияние К. Маркса...» [44, с. 511-512; 45]. Безусловно, отвергая революционно ориентированную часть системы научных взглядов К. Маркса, вероятно, не следует отвергать его структурную методiku, блестяще апробированную многими серьезными исследованиями в различных областях современных социальных наук, а потому признаваемую даже яркими оппонентами ученого. Разумеется, эффективность применения ее заключается в оптимальном сочетании с передовыми методами других современных научных школ и направлений, представляющих различные дисциплины – социологию, теоретическую экономику, антропологию, историю, этнологию и т.д. [46; 47 и др.].

***** Жуз представляет собой высшую форму самоорганизации казахов-кочевников, выполнявшую в историческом прошлом функции, прежде всего, территориальной и политической интеграции генеалогически близких (в представлении кочевников) родо-племенных образований (общин) в полном соответствии с концепцией устной историографической традиции «*шежіре*». Генеалогически лишь по форме данный уровень самоорганизации кочевников на самом деле представляет собой хозяйственно-экономически, институционально и даже географически обусловленный способ управления и регулирования преимущественно межродовых (межобщинных) отношений. И тут возможен следующий резонный вопрос: почему межродовые (межобщинные) отношения были основным объектом организаторской и институционально-регулятивной деятельности жуза? Дело в том, что, как уже отмечалось выше, именно кочевая община, существовавшая в виде «жетіата» в лице своих основных структурных составляющих «*бірата*» выступала основным корпоративным субъектом воспроизводства материальных и нематериальных благ, а также самого индивида-общинника. Действительно, как свидетельствуют источники, институты жузовых структур «*билер кеңесі*» (совет биев), «*бидің билігі*» (суд биев), «*ру басылар кеңесі*» (совет родовых старейшин), «*хан кеңесі*» (ханский совет) и даже сам хан («хан билігі») и т.п. практически никогда не вмешивались во внутреннюю жизнь родов-общин, за исключе-

нием тех случаев, когда определенные вышедшие из-под контроля внутриродовые экстраординарные социальные и политические эксцессы угрожали устоявшимся нормам и принципам межродовых (межобщинных) отношений. В этом смысле жуз изначально сложился и функционировал как организационная (институциональная) форма преимущественно межродовых отношений. К сожалению, практически все исследователи факт образования трех жузов в начале XVII века рассматривают как свидетельство организационно-политического разъединения казахского этноса. На самом же деле казахи в указанное время объединились в три жуза. Между тем такая троичная форма самоорганизации казахского этноса в суровых условиях кочевой этноэкологии оказалась хозяйственно-экономически, социокультурно, политически и даже экологически весьма обоснованным способом рационального распределения людских и материальных сил, направленным, прежде всего, на эффективную эксплуатацию кормовых и водных ресурсов столь огромной территории Казахстана.

Литература

1. Әлімбай Н. Ру // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. – Т.5. – Алматы: ТОО «Әлем Даму Интеграция», 2017. – 816 б.
2. Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: опыт в области сравнительной этнографии и истории права // [соч.] Максима Ковалевского. – СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1911. – 312 с.
3. Батьянова Е.И. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. – М.: Наука, 2007. – 395 с.
4. Коротаяев А.В., Оболонков А.А. Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы этнографии. – М.: Наука, 1990. – С. 3-52.
5. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 255 с.
6. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 204 с.
7. Hillery G.A. Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. Vol. 20, 1955. – № 2. – P. 119.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
9. Алимбай Н. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкологии // Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Наука, 1998. – С. 10-61.
10. Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организаций (к постановке вопроса) // Советская этнография. – 1967. – № 6. – С. 83-94.
11. Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. – М.: Наука, 1975. – С. 6-19.
12. Община в Африке. Проблемы типологии / Редкол.: С.А. Токарев (отв. ред.), Ю.М. Кобищанов. АН СССР. Ин-т Африки. – М.: Наука, 1978. – 291 с.
13. Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. – М., 1978. – С. 9-60.
14. Сюмов Ю.С. Обсуждение теоретических проблем общины (XIV Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы). НАА. – 1973. – №6. – С. 225-226.
15. Першиц А.И. Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерк истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII. – М.: Наука, 1978. – С. 142-156.
16. Социальная организация народов Азии и Африки. – М.: Наука, 1975. – 315 с.
17. Изучение истории Африки: проблемы и достижения // Отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Б. М. Туполев. – М.: Наука, 1985. – 303 с.
18. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII в. – начале XX в. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 632 с.
19. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. – Алма-Ата: Типография издательства АН КазССР, 1964. – 207 с.
20. Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века) // В. П. Курьлев; Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ, 1998. – 287 с.
21. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем // Сост. П.П. Румянцев; Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. – 66 с.
22. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). – Алматы: «Социнвест», М.: «Горизонт», 1995. – 320 с.

23. Следзевский И.В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. Вопросы теории. Постановка проблемы // Община в Африке. Проблемы типологии. – М.: Наука, 1978. – С. 61-132.

24. Кауфман А.А. Кочевники // Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1908. – С. 1-216.

25. Румянцев П.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. – СПб., 1909. – №5. – С. 79-137.

26. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. I. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. – Воронеж, 1898. – 1041 с.; Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. – Воронеж, 1902. – IV+XXXIV+494 с.; Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. I. Поаульные таблицы. – СПб., 1907. – 67+IV+523+141 с.; Ч.2. – Чернигов, 1909. – 153+29 (65–93) с.; Т. IV. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. – Воронеж, 1903. – VII+90+III+662 с.; Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. – Воронеж, 1903. – V+154+III+375 с.; Т. IV. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. – СПб., 1905. – 90+IV+827+134 с.; Т. VII. Тургайская область. Актюбинский уезд. – Воронеж, 1903. – V+570 с.; Т. VIII. Семипалатинская область. Зайсанский уезд. – СПб., 1909. – VIII+695 с.; Т. IX. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд. – СПб., 1905. – III+82+99+80+IV+369 с.; Т. X. Семипалатинская область. Семипалатинский уезд. – СПб., 1909. – IX+795 с.; Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. – Чернигов, 1908. – VII+593 с.; Т. XIII. Сводка материалов по киргизскому землепользованию. – СПб., 1906. – XI+322 с.

27. Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области. I. Чимкентский уезд. – Ташкент, 1908. – IV+639 с.; II. Чимкентский уезд. – Ташкент, 1910. – 277 с.; Аулиеатинский уезд. – Ташкент, 1911. – 699 с.; Перовский уезд. – Ташкент, 1912. – 640 с.; Казалинский уезд. – Ташкент, 1913. – 386 с.

28. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. – Оренбург, 1911. – 283 с.; Иргизский уезд. – Оренбург, 1913; Кустанайский уезд. – Оренбург, 1912; Лбищенский уезд. – Оренбург, 1914; Актюбинский уезд. – Оренбург, 1912.

29. Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. I. Лепсинский уезд. – СПб., 1911. – 11+401+633 с.; Т. II. Капальский уезд. – СПб., 1913. – X+249+529 с.; Т. III. Джаркенский уезд. – СПб., 1913. – IX+321+439 с.

30. Материалы по повторному обследованию в 1910-1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Т.1. Павлодарский уезд. – Семипалатинск, 1912. – VI+753 с.; Т. II. Усть-Каменогорский уезд. – СПб., 1913. – V+788 с.; Т. III. Зайсанский уезд. – СПб., 1913. – 589 с.

31. Алимбай Н. Об исходных принципах изучения традиционного казахского общества (краткий этносоциологический дискурс) // Труды Центрального музея. – Алматы, Наука, 2004. Вып., I. – С. 137-160.

32. Алимбай Н. Еще раз о кочевой общине как основной организационной форме традиционных социальных отношений у казахов // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы: 21-23 ноября 2007. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – С. 208-221.

33. Alimbai N. Community as a principle organizational form of social relations of nomads / Eleink. – Magyar Östörténet, 2009, VIII. Évfolyam, 1. Szam (15.). – P. 28-35.

34. Алимбай Н. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (Введения в проблематику) // Урбанизация и номунизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы международной конференции. – Алматы: Дайк-пресс, 2004. – С. 185-193.

35. Алимбай Н. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // Исторический ежегодник (труды ученых Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова). – Алматы: Ер Жәнібек, 2019. – С. 99-116.

36. Alimbai N. La comunità come principale forma organizzativa delle relazioni sociali dei nomadi: note preliminari // Popoli della Yurta Kazakhstan: tra le origini e la modernità. – Milano: Jaca Book, 2008. – P. 99-110 (на итал. яз.).

37. Kroeber A.L. Anthropology. – N.Y.: 1948. – 325 p.

38. Леви-Строс К. Структурная антропология. Перевод с французского. Изд. 2-ое. – М.: Академический проект, 2008. – 554 с.

39. Парсонс Т. О структуре социального действия. Перевод с английского. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

40. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

41. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. – М.: Политиздат, 1968. – Т.46. ч. I. – 472 с.

42. Коротаев А.В. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 68-86.

43. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. – М.: «Вече», 2001. Т. I. – С. 544 с.

44. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. – М.: «Вече», 2001. Т. II. – С. 528 с.

45. Альтюссер Л. За Маркса. Перевод с французского. – М.: Праксис, 2006. – 390 с.

46. Лефорт К. Формы истории. Очерки политической антропологии. Перевод с французского. – СПб.: «Наука», 2007. – 340 с.

Reference

1. Alimbay N. Ru [Relative], Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhujesi. Enciklopediya [Traditional system of ethnographic categories, concepts and names of Kazakhs. Encyclopedia]. Almaty, TOO «Alem Damu Integraciya», 5, 2017. 816 p. [in Kazakh].

2. Kovalevskiy M.M. Rodovoj byt v nastoyashchem, nedavnem i otdalennom proshlom: opyt v oblasti sravnitel'noj etnografii i istorii prava [Generic life in the present, recent and distant past: experience in the field of comparative ethnography and history of law]. Saint-Petersburg, Tip. Akcioner. o-va Brokgauz-Efron, 1911. 312 p. [in Russian].

3. Bat'yanova E.I. Rod i obshchina u teuletov v XIX – nachale XXI veka [Family and community of teleuts in the XIX-early XXI century]. Moscow, Nauka, 2007. 395 p. [in Russian].

4. Korotaev A.V., Obolonkov A.A. Rod kak forma social'noj organizacii v rabotah dorevolucionnyh russkih i sovetskikh issledovatelej [Relative as a form of social organization in the works of pre-revolutionary russian and soviet researchers]. In: Uzlovye problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv Vostoka. Voprosy istoriografii [Nodal problems of the history of pre-capitalist societies of the East. Questions of historiography]. Moscow, Nauka, 1990. P. 3-52. [in Russian].

5. Vostrov V.V., Mukanov M.S. Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konec XIX – nachalo XX v.) [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late XIX-early XX c.)]. Alma-Ata, Nauka, 1968. 255 p. [in Russian].

6. Mukanov M.S. Etnicheskij sostav i rasselenie kazahov Srednego zhuzha [Ethnic composition and settlement of the kazakhs of the middle zhuz]. Alma-Ata, Nauka, 1974. 204 p. [in Russian].

7. Hillery G.A. Deginitions of Community: Ageas of Agreement, Rugal Sociology. Vol. 20 (2), 1955. P. 119.

8. Terner V. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moscow, Nauka, 1983. 277 p. [in Russian].

9. Alimbay N. Obshchina kak social'nyj mekhanizm zhizneobespecheniya v kochevoj etnoekosisteme [Community as a social mechanism of life support in the nomadic ethno-ecosystem]. In: Alimbay N., Mukanov M.S., Argyubaev Kh. Tradicionnaya kul'tura zhizneobespecheniya kazahov. Oчерki teorii i istorii [Traditional culture of life support of kazakhs. Essays on theory and history]. (Nauka, Almaty, 1998, P. 10-61). [in Russian].

10. Kryukov M.V. O sootnoshenii rodovoj i patronomicheskoy (klanovoj) organizacij (k postanovke voprosa) [About the ratio of generic and metronomically (clan) organizations (to question statement)]. In: Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. (1967, 6, P. 83-94). [in Russian].

11. Ol'derogge D.A. Ierarhiya rodovyh struktur i tipy bol'shesemejnyh domashnih obshchin [Hierarchy of generic structures and types of large-family home communities]. In: Social'naya organizaciya narodov Azii i Afriki [Social organization of Asian and African peoples]. (Nauka, Moscow, 1975, P. 6-19). [in Russian].

12. Obshchina v Afrike. Problemy tipologii [Community in Africa. Problems of typology]. Redkol.: S.A. Tokarev (otv. red.), Yu.M. Kobishchanov. AN SSSR. In-t Afriki [Ed.: S.A. Tokarev (ed.), Yu.M. Kobishchanov. USSR Academy of Sciences. In-t of Africa]. Moscow, Nauka, 1978. 291 p. [in Russian].

13. Danilova L.V., Danilov V.P. Problemy teorii i istorii obshchiny [Problems of theory and history of the community]. Obshchina v Afrike. Problemy tipologii [Community in Africa. The problem of typology]. (Moscow, 1978, P. 9-60). [in Russian].

14. Symov Yu.S. Obsuzhdenie teoreticheskikh problem obshchiny (XIV Mezhhrespublikanskij simpozium po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy). NAA [Discussion of theoretical problems of the community (XIV inter-Republican Symposium on agricultural history of Eastern Europe). NAA]. (1973, 6, P. 225-226). [in Russian].

15. Pershic A.I. Problemy tipologizacii obshchiny v dorevolucionnoj russkoj i sovetskoj etnografii [Problems of community typology in pre-revolutionary russian and soviet ethnography]. Oчерk istorii russkoj etnografii, fol'kloristiki i antropologii [Essay on the history of russian ethnography, folklore and anthropology]. (Nauka, Moscow, 1978, VIII, P. 142-156). [in Russian].

16. Social'naya organizaciya narodov Azii i Afriki [Social organization of the peoples of Asia and Africa]. Moscow, Nauka, 1975. 315 p. [in Russian].

17. Izuchenie istorii Afriki: Problemy i dostizheniya [Studying the history of Africa: Problems and achievements]. Otv. red. B.B. Piotrovskij, B. M. Tupolev [Ed. by B.B. Piotrovsky, B.M. Tupolev]. Moscow, Nauka, 1985. 303 p. [in Russian].

18. Tolybekov S.E. Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskij analiz [Nomadic society of kazakhs in the XVII-early XX century. Political and economic analysis]. Alma-Ata, Nauka, 1971. 632 p. [in Russian].

19. Shahmatov V.F. Kazhskaya pastbishchno-kochevaya obshchina [Kazakh pastoral and nomadic community]. Alma-Ata, Tipografiya izdatel'stva AN KazSSR, 1964. 207 p. [in Russian].

20. Kurylev V.P. Skot, zemlya, obshchina u kochevyh i polukochevyh kazahov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Cattle, land, community of nomadic and semi-nomadic kazakhs (second half of the XIX – early XX century)]. In: V. P. Kurylev. Ros. akad. nauk, Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Russian Academy of Sciences, Museum of anthropology and Ethnography. The Great Peter (Kunstkamera)]. Saint-Petersburg, MAE, 1998. 287 p. [in Russian].

21. Romyancev P.P. Kirgizskij narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and present]. sost. P.P. Romyancev; Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustrojstva i zemledeliya [comp. P.P. Romyantsev; Migration management. Main department of land management and agriculture]. Saint-Petersburg, Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1910. 66 p. [in Russian].

22. Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazahov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva) [Nomadic civilization of the Kazakhs (fundamentals of nomadic society)]. Almaty, «Socinvest», Moscow, «Gorizont», 1995. 320 p. [in Russian].

23. Sledzevskij I.V. Zemledel'cheskaya obshchina v Zapadnoj Afrike: hozyajstvennaya i social'naya struktura. Voprosy teorii. Postanovka problemy [Farming community in West Africa: economic and social structure. Questions of theory. Problem statement]. In: Obshchina v Afrike. Problemy tipologii [Community in Africa. The problem of typology]. (Nauka, Moscow, 1978, P. 61-132). [in Russian].

24. Kaufman A.A. Kochevniki // Kaufman A.A. Russkaya obshchina v processe ee zarozhdeniya i rosta [The Russian community in the process of its birth and growth]. (Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, Moscow, 1908, P. 1-216). [in Russian].

25. Romyancev P.P. Social'noe stroenie kirgizskogo naroda v proshlom i nastoyashchem [Social structure of the Kyrgyz people in the past and present]. (Saint-Petersburg, 1909(5), P. 79-137). [in Russian].

26. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspediciy po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions]. T. I. Akmolinskaya oblast'. Kokchetavskij uezd. Voronezh, 1898, 1041 p.; T. II. Akmolinskaya oblast'. Atbasarskij uezd. Voronezh, 1902, IV+XXXIV+494 p.; T. III. Akmolinskaya oblast'. Akmolinskij uezd. Part I. Poaul'nyya tablicy. Saint-Petersburg, 1907, 67+IV+523+141 p.; Part 2. Chernigov, 1909, 153+29 (65–93) p.; T. IV. Semipalatinskaya oblast'. Pavlodarskij uezd. Voronezh, 1903, VII+90+III+662 p.; T. V. Turgajskaya oblast'. Kustanajskij uezd. Voronezh, 1903, V+154+III+375 p.; T. IV. Semipalatinskaya oblast'. Karkaralinskij uezd. Saint-Petersburg, 1905, 90+IV+827+134 p.; T. VII. Turgajskaya oblast'. Aktyubinskij uezd. Voronezh, 1903, V+570 p.; T. VIII. Semipalatinskaya oblast'. Zajsanskij uezd. Saint-Petersburg, 1909, VIII+695 p.; T. IX. Semipalatinskaya oblast'. Ust'-Kamenogorskij uezd. Saint-Petersburg, 1905, III+82+99+80+IV+369 p.; T. X. Semipalatinskaya oblast'. Semipalatinskij uezd. Saint-Petersburg, 1909, IX+795 p.; T. XI. Akmolinskaya oblast'. Omskij uezd. Chernigov, 1908, VII+593 p.; T. XIII. Svodka materialov po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Saint-Petersburg, 1906, XI+322 p. [in Russian].

27. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu v Syrdar'inskoj oblasti [Materials on Kyrgyz land use in the Syrdarya region]. I. Chimkentskij uezd. Tashkent, 1908, IV+639 p.; II. Chimkentskij uezd. Tashkent, 1910, 277 p.; Aulieatinskij uezd. Tashkent, 1911, 699 p.; Perovskij uezd. Tashkent, 1912, 640 p.; Kazalinskij uezd. Tashkent, 1913, 386 p. [in Russian].

28. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoy partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Statistical party of the Turgay-Ural resettlement district]. Turgajskij uezd. Orenburg, 1911, 283 p.; Irgizskij uezd. Orenburg, 1913; Kustanajskij uezd. Orenburg, 1912; Lbishchenskij uezd. Orenburg, 1914; Aktyubinskij uezd. Orenburg, 1912. [in Russian].

29. Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhil'cheskogo hozyajstva i zemlepol'zovaniya v Semirechenskoy oblasti [Materials on the survey of native and russian old-timers and land use in the Semirechensk region]. T. I. Lepsinskij uezd. Saint-Petersburg, 1911, 11+401+633 p.; T. II. Kapal'skij uezd. Saint-Petersburg, 1913, X+249+529 p.; T. III. Dzharkenskij uezd. Saint-Petersburg, 1913, IX+321+439 p. [in Russian].

30. Materialy po povtornomu obsledovaniyu v 1910-1911 gg. hozyajstva i zemlepol'zovaniya kirgiz Semipalatinskoy oblasti [Materials on repeated survey of economy and land use in 1910-1911 of the Kyrgyz Republic of Semipalatinsk region]. T. I. Pavlodarskij uezd. Semipalatinsk, 1912. VI+753 s.; T. II. Ust'-Kamenogorskij uezd. Saint-Petersburg, 1913, V+788 p.; T. III. Zajsanskij uezd. Saint-Petersburg, 1913, 589 p. [in Russian].

31. Alimbai N. Ob iskhodnyh principah izucheniya tradicionnogo kazahskogo obshchestva (kratkij nomadologicheskij diskurs) [On the basic principles of studying traditional kazakh society (short nomadological discourse). Trudy Central'nogo muzeya [Proceedings of the Central Museum]. (Nauka, Almaty, 2004, I, P. 137-160). [in Russian].

32. Alimbai N. Eshche raz o kochevoj obshchine kak osnovnoj organizacionnoj forme tradicionnyh social'nyh otnošenij u kazahov [Once again about the nomadic community as the main organizational form of traditional social relations among the Kazakhs]. In: Vklad kochevnikov v razvitie mirovoj civilizacii. Sbornik materialov mezhdunarodnoj

nauchnoj konferencii [The Contribution of nomads to the development of world civilization. Proceedings of the international scientific conference]. Almaty, 21-23.11.2007. Almaty, Dajk-Press, 2008, P. 208-221. [in Russian].

33. Alimbai N. Community as a principle organizational form of social relations of nomads. In: Eleink. (Magyar Őstörténet, 2009, VIII, Évfolyam, 1. Szam (15.), P. 28-35). [in Russian].

34. Alimbai N. Evrazijskoe kochevnichestvo kak obshchinnyj tip social'nosti (Vvedeniya v problematiku) [Eurasian nomadism as a communal type of sociality (Introduction to problems)]. In: Urbanizaciya i nomadizm v Central'noj Azii: istoriya i problemy. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Urbanization and nomadism in Central Asia: history and problems. Proceedings of the international conference]. (Dajk-press, Almaty, 2004, P. 185-193). [in Russian].

35. Alimbai N. Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-socium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazahov-kochevnikov) [Seven-generation exogamous structure of «zhetiata» as a community-society (on the problem of matching the genus and community of Kazakh nomads)]. In: Istoricheskiy ezhegodnik (trudy uchenyh Instituta istorii i etnologii imeni CH.CH. Valihanova) [Historical yearbook (works of scientists of the Institute of history and Ethnology named after Ch. Ualikhanov)]. (Er Zhanibek, Almaty, 2019, P. 99-116). [in Russian].

36. Alimbai N. La comunita come principale forma organizzativa delle relazioni sociali dei nomadi: note preliminari. In: Popoli della Yurta Kazakhstan: tra le origini e la modernita. (Jaca Book, Milano, 2008, P. 99-110). [in Italian].

37. Kroeber A.L. Anthropology. New York, 1948, 325 p.

38. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. Perevod s francuzskogo. Izd. 2-oe [Structural anthropology. Translated from the French. Ed.2]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008. 554 p. [in Russian].

39. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya. Perevod s anglijskogo [On the structure of social action. Translated from English]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2000. 880 p. [in Russian].

40. Markar'yan E.S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka (logiko-metodologicheskij analiz) [Theory of culture and modern science (logical and methodological analysis)]. Moscow, Mysl', 1983. 284 p. [in Russian].

41. Marks K. Formy, predshestvuyushchie kapitalisticheskomu proizvodstvu [Forms preceding capitalist production]. Moscow, Politizdat, 1968, T.46, Part I. 472 p. [in Russian].

42. Korotaev A.V. «Apologiya trajbalizma»: plemya kak forma social'no-politicheskoy organizacii slozhnyh nepervobytnykh obshchestv (po materialam Severo-Vostochnogo Jemena) [«Apology of tribalism»: the tribe as a form of socio-political organization of complex non-primitive societies (based on materials from North-Eastern Yemen)]. In: Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. (1995, 4, P. 68-86). [in Russian].

43. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. Perevod s anglijskogo. V 2-h tomah [The big explanatory sociological dictionary]. Translated from English. In 2 volumes]. Moscow, «Veche», 2001, T. I. 544 p. [in Russian].

44. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. Perevod s anglijskogo. V 2-h tomah [The big explanatory sociological dictionary. Translated from English. In 2 volumes]. Moscow, «Veche», 2001, T. II. 528 p. [in Russian].

45. Al'tyusser L. Za Marksa. Perevod s francuzskogo [For Marx. Translated from French]. Moscow, Praxis, 2006. 390 p. [in Russian].

46. Lefort K. Formy istorii. Ocherki politicheskoy antropologii. Perevod s francuzskogo [Forms of history. Essays in political anthropology. Translated from the French]. Saint-Petersburg, «Nauka», 2007. 340 p. [in Russian].

Н. Әлімбай

Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұражайы
(E-mail: malika-94kz@mail.ru)

Қауымдастық-социум ретіндегі «Жетіата» экзогамды құрылымы (көшпелі қазақтардағы ру мен қауымдастық сәйкестігі проблемасы жайында)

Аннотация. Көшпелі қазақтардың қауымдық қатынастарына тән этникалық ұйымдық форма – ру, яғни «жеті ата» деп аталатын, әке тарапынан санағанда жеті ұрпақ көлеміндегі қандас туыстардың басын біріктіретін және іс жүзінде көшпелі қоғамдағы әлеуметтік байланыстардың барлық түрі мен деңгейін қамтитын экзогамды құрылым болды. Оның уақыт пен кеңістіктегі белгілі демографиялық шектеулігі мен аумақтық тұйықтығы, сондай-ақ сол тақылеттес құрылымдардан бөлектігі отбасы-неке қатынастарының экзогамды кедергісі арқылы қамтамасыз етілді. Бұл құрылымның осы сынды тұйықтығы, әрі салыстырмалы түрде автономды тіршілік ету тәртібі генеалогиялық дәстүр – шежіреде қуатты идеологиялық және тарихнамалық негіздемеге ие болып, әлеуметтік-экономикалық, табиғи-экологиялық және институционалдық факторлармен дәйектелді.

Кілт сөздер: көшпелі қауым, жеті ата экзогамды құрылымы, бірата, патронимия, қоғамдық қатынастар, ру аумағы, логика, құрылым, ұйымдық форма, функция.

N. Alimbay

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan

(E-mail: malika-94kz@mail.ru)

**Seven-generation exogamous structure of «Zhetiata» as a community-society*
(to the problem of the coincidence of clan and community among Kazakh nomads)**

Abstract. The ethnically characteristic organizational form of communal relations among Kazakh nomads was a clan (ru) - the so-called seven-generation exogamous structure “zhetiata”, which united a group of blood relatives within seven generations on the paternal line and synthesized practically all types and levels of social relations in a nomadic environment. Its known demographic limitation in time and space and territorial localization, as well as delimitation from such structures, was ensured by the exogamous barrier of family and marriage relations. Such localization, as well as the relative autonomous mode of functioning of this structure, received a powerful ideological and historiographic substantiation in the geneological tradition - «shezhire» and are conditioned by socio-economic, natural-ecological and institutional factors.

Keywords: nomadic community, family-generation exogamous structure - «zhetiata», «birata», patronomy, social relations, tribal territory, logic, structure, organizational form, function.

Сведения об авторе:

Алимбай Нурсан, кандидат исторических наук, директор, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Самал-1, 44, Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Әлімбай Нұрсан, тарих ғылымдарының кандидаты, директор, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұражайы, Самал-1, 44, Алматы, Қазақстан.

About the author:

Alimbay Nursan, Candidate of Historical Sciences, Director of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Samal-1, 44, Almaty, Kazakhstan.

PUBLICATION ETHICS

For authors:

Submission of articles to the scientific publication office means the authors' consent to the right of the Publisher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, to publish articles in the journal and the re-publication of it in any foreign language. Submitting the text of the work for publication in the journal, the author guarantees the correctness of all information about himself, the lack of plagiarism and other forms of improper borrowing in the article, the proper formulation of all borrowings of text, tables, diagrams, illustrations.

The author(s) should provide a cover letter with the article to the journal editors.

Requirements for provided articles.

The article

- must be issued according to the requirements of the editorial board;
- at the time of sending the article should not be published or be pending in another edition; • must contain original research results;
- must include the results only of the author work / team of authors (the inclusion of other persons is unacceptable); It is assumed that at the time of sending the article, all authors agree with the publication in this journal and do not object to the order of indication of the authors in the article;
- should include in the list of citations only those peer-reviewed sources that were actually used in the course of the study;
- should indicate all sources used (including the work of the author / team of authors).

For reviewers:

- all articles received for review must be viewed as a confidential document. A peer reviewer has no right to use unpublished article materials in his own research. The reviewer may send material to third parties only with the permission of the editor-in-chief;
- according to the journal review policy, the journal uses a one-sided "blind" review procedure, when the authors' data are known to the reviewer. In this connection, the object of reviewing should be the results of the obtained research, and not the author/team of authors. Expert opinion should not depend on the gender, nationality, religion and other personal qualities of the author / team of authors;
- the reviewer needs to submit an objective work assessment to the editor, if necessary, suggest options for improving the submitted material;
- the reviewer must refuse to review the material, notifying the editor if he/she is not a specialist in the subject matter of the material;

For editors:

Editor-in-Chief and members of the editorial board undertake

- pay special attention to the qualitative composition of articles;
- in determining who is responsible for the article, make his reasoned decision by agreement (or disagreement) with the reviewers' decisions on the article;
- participate in meetings of the journal editorial board, make decisions on determining the content of journal issues. Editor-in-Chief;
- identifies two reviewers who are not members of the journal editorial board (scientists or specialists in relevant topics) for each article that has passed the initial review for compliance with technical requirements;
- on the basis of peer-reviews and the conclusion of the responsible member of the editorial board, makes the final decision on the publication of the received material. The decision of the editor-in-chief is brought up for discussion by the editorial board;
- In his/her decision, the Editor-in-Chief is guided solely by scientific considerations and compliance with publishing standards. The decision of the Editor-in-Chief and the editorial board should not depend on the gender, nationality, religion and other personal qualities of the author/ team of authors; Open Access Policy The journal 's articles are directly accessible to all, based on the principle that free open access to research results increases universal knowledge.

ЖАРИЯЛАУ ЭТИКАСЫ

Авторлар үшін:

Авторлардың мақалаларды редакцияға жолдауы сол мақалалардың журналда басылуына және кез келген тілде қайта басылуына Шығарушының, яғни Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің құқығы бар екендігіне келісімін білдіреді. Жұмыстың мәтінін журналда жариялауға жолдау арқылы авторлар өздері туралы мәліметтің дұрыстығына, қолжазбада плагиаттың және басқа да заңсыз көшірмелердің жоқтығына, барлық мәтін сілтемелері кесте, схема және суретті сызбалар тиісінше рәсімделгеніне кепілдік береді.

Мақала жолданған сәтте авторларосы журналда жариялануға келісімін берген және авторлардың көрсетілген ретіне қарсы емес деген ұйғарым жасалады.

Редакция мақаланың түпнұсқалық сипатын % (ұсынылатын процент – 60) өлшемінде анықтау үшін қолжетімді антиплагиат жүйелеріне сүйене отырып, талапқа сай рәсімделмеген мақалаларды себебін түсіндіріп жатпастан жарамсыз деп тану құқығын өзінде қалдырады.

Жолданған мақалаға қойылатын талаптар.

Мақала:

- безендіруге қойылған талаптарға сәйкес рәсімделуі;
- бұрын жарық көрмеген болуы немесе басқа басылымдардың қарауында жатпауы; • автордың/авторлардың тек өзіндік зерттеу нәтижелерін ғана қамтуы;
- тиісті мәселе бойынша әртүрлі елдер зерттеушілерінің ғылыми еңбектеріне шолу жасауы, индекстелетін журналдар авторларының жарияланымдарына, осы журналдың бұрынғы шығарылымдарындағы мақалаларға сілтемелер беруі.

Автор/авторлар жүгінген әдебиеттер тізіміне тек мақалада пайдаланылған дереккөздер енгізілуі және мәтінде оларға міндетті түрде сілтемелер жасалуы тиіс.

Рецензенттер үшін:

• рецензияға қабылданған әр мақала құпия құжат ретінде қарастырылуы тиіс. Рецензенттің жарияланбаған мақала материалдарын өз зерттеуінде пайдалану құқығы жоқ. Рецензент қолжазбаны бас редактордың рұқсатымен ғана үшінші тұлғаға жіберуі мүмкін;

• журналдың рецензиялау саясатына орай, авторлар туралы деректер рецензентке мәлім болған жағдайда, журнал біржақты «жабық» рецензия процедурасын қолданады. Осыған байланысты, рецензия нысаны автор/авторлар емес, зерттеулерден алынған нәтижелер болуы тиіс. Сараптамалық қорытынды автордың/авторлардың гендерлік, ұлттық, діни ұстанымдарына және басқа жеке деректеріне тәуелді болмауы қажет;

• рецензент р мақала туралы объективті пікірін және, қажет болған жағдайда, мақаланы жетілдіру ұсыныстарын беруі тиіс;

• рецензент зерттеу саласының маманы болмаса, бұл жөнінде редакциялық алқаны хабардар етіп, мақалаға пікір беруден бас тартуы керек.

Редакторлар үшін:

Бас редактор және редакция алқасының мүшелері

• жарияланатын мақалалардың сапалық құрамына ерекше көңіл бөлуі;

• мақалаға жауапты болып бекітілген жағдайда, рецензенттің/сарапшының пікірімен келісетіндігі (немесе келіспейтіндігі) жайында негізді шешімін ортаға салуы;

• редакция алқасының отырыстарына қатысуы, журнал мазмұнын анықтайтын шешім қабылдауда өз ұстанымын білдіруі;

• техникалық талаптарға сәйкестікке қатысты бастапқы іріктеуден өткен мақалаға редакция алқасы құрамынан жауапты адамды және редакция алқасы құрамына кірмейтін (тиісті сала бойынша ғалым немесе маман) екі рецензентті тағайындауы;

• рецензенттердің пікірлері мен редакция алқасының жауапты мүшесінің қорытынды пікірлері негізінде мақаланы жариялау (немесе жаратпай тастау) туралы ақырғы шешім қабылдауы;

• шешім қабылдауда тек ғылыми мүддені алға қоюы және мақаланың баспа стандарттарына сәйкестігін басшылыққа алуы тиіс.

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА

Для авторов:

Отправление статей в редакцию означает согласие авторов на право Издателя, Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, издания статей в журнале и переиздания их на любом иностранном языке. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи, надлежащее оформление всех ссылок в тексте, таблиц, схем и иллюстраций.

Предполагается, что на момент отправки статьи авторы согласны с публикацией в данном журнале и не возражают против указанного порядка авторов статей.

Редакция оставляет за собой право проверки статьи на % оригинальности (рекомендуемый процент 60) по доступным системам проверки на антиплагиат и отклонения статей, не соответствующим оформлению без объяснения причин.

Требования к предоставляемым статьям

Статья должна:

- быть представлена согласно требованиям к их оформлению;
- быть ранее не опубликованной или не находящейся на рассмотрении в других изданиях;
- содержать только результаты оригинальных исследований автора/авторов;
- включать обзоры научных трудов исследователей разных стран по аналогичной проблеме, ссылки на публикации авторов в индексируемых журналах, на статьи в предыдущих выпусках данного журнала.

Авторам следует указывать в списке литературы только те источники, которые были использованы в статье, с обязательным цитированием их в тексте

Для рецензентов:

• каждая статья, принятая к рецензии, должна рассматриваться как секретный документ. Рецензент не имеет права использовать материалы неопубликованных статей своих исследований. Рецензент может выслать материал третьим лицам только с согласия главного редактора;

• согласно своей рецензионной политике, если все сведения об авторах известны рецензенту, то журнал использует процедуру односторонней политики «закрытого» рецензирования. В связи с этим объектом рецензирования должны стать полученные результаты исследований, а не автор/авторы. Экспертное заключение не должно зависеть от гендерной, национальной, религиозной принадлежности и других персональных данных автор/авторов.

- рецензент должен давать объективную оценку статьи, а в случае необходимости, дать рекомендации по доработке статьи;
- если рецензент не является специалистом в данной сфере исследования, то должен информировать об этом редакционную коллегию и отказаться от рецензирования статьи.

Главный редактор и члены редакционной коллегии должны

- обращать особое внимание на качественный состав статей;
- при определении ответственным за статью, выносить свое обоснованное решение по согласию (или не согласию) с заключением рецензента/эксперта;
- участвовать в заседаниях редакционной коллегии, высказывать свою позицию в принятии решений по содержанию журнала;
- назначить ответственного за статью, прошедшую первичный отбор по соответствию техническим требованиям, из состава редакционной коллегии и двух рецензентов, не входящих в состав редакционной коллегии журнала (ученых или специалистов по соответствующей тематике);
- принять окончательное решение о публикации (или отклонении) статьи на основе отзывов рецензентов и заключения ответственного члена редакционной коллегии;
- при принятии решения о публикации (или отклонении) статьи руководствоваться исключительно научными соображениями и соответствием издательским стандарта

REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE DESIGN

1. Authors wishing to publish in the journal must send their articles to the following email address: turkicjournal@gmail.com
2. Languages of publications: Kazakh, English, Russian.
3. The volume of the article – 7-15 pages.
4. Scheme of articles construction:
 - Full name of the author/authors, center alignment, bold lower-case letters.
 - Place of work, city, country; center alignment, timid.
 - Article title-centered, without indentation, bold lowercase letters.
 - Abstract (100-200 words). Keywords (5-10 words) in the language of the article.
 - Text of article
 - Reference (in the language of the article) and in English.
 - Abstract and keywords in two other languages (authors from near and far abroad can provide this data in English and Russian, and they are translated into Kazakh by the editorial Board of the journal).
 - Information about the author at the end of the article is given in three languages (English, Kazakh, Russian): Full name, academic degree, academic title, position, university name, address, city, country.
5. Use the Microsoft Word editor for Windows to type text, formulas, and tables. Text editor parameters: margins-2 cm on all sides; width alignment; font-Times New Roman, size-12; line spacing-1.15; paragraph indent-1 cm; page orientation-book.
6. References in the text to the corresponding source from the list of references are made in square brackets, for example: [1, p. 277]. The font of the list itself is Times New Roman, size-10, the first line of the paragraph-with a protrusion of 0.5 cm, width alignment with hyphenation.
7. The list of references is provided in two versions: 1) as cited in the language of the article; 2) Latin transliteration, in which the English translation is given in square brackets (see sample: References).
8. Requirements apply to scientific reviews, reviews, and personalities.
9. **The article should be thoroughly checked for spelling and syntax errors and technical design. Articles that do not meet the technical requirements will be returned for revision. Returning for revision does not mean that the manuscript has not been accepted for publication.**

A sample of an article

IRSTI 03.91.03 (defined by the link <http://grnti.ru/>)

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

Edigü at the head of the Golden Horde: the experience of his Chagatai emigration

Abstract: In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how

Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (beqlerbegi). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads. **[100-200 words]**

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi **[5-7 words/word combinations]**

MAIN TEXT OF THE ARTICLE

The main text of the article should contain the following structural elements:

- Introduction
- Materials and research methods
- The degree of research of the topic
- Analysis

- Results
- Conclusion

Литература

(образец оформления)

1. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. – 240 p. – **книга на английском языке**
2. Камалов С.К. О географических названиях в эпосе «Эдиге» // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. – Махачкала: Наука, 1993. – С. 132–134. – **статья в научном сборнике.**
3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с. – **коллективная монография.**
4. Аничкин Л.К. Золотоордынское наследие // Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 368 с. – **материалы конференции.**
5. Мухаметов Ф.Ф. Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана // Вопросы истории. - 2007. -Т. 11. - № 5. - С. 150-155. – **статья в журнале.**
6. Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: защищена: 22.01.02 – Саратов: Наука, 2000. – 181 с. – **диссертационная работа.**
7. Сабитов Ж.М. Золотая Орда – «падчерица» казахстанской историографии. // Молодой ученый. -2015. -Т. 104. -№ 24. -С. 842-851. [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (дата обращения: 07.09.2020). – **электронный источник.**
8. Логунова Г.В. Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: учеб.пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 110 с. – **учебное пособие.**
9. Алим Дж. Золотая Орда: наследники великого ханства//Газета «Комсомольская правда». -№145. -2020. -1 апреля. – С.7-8.– **газетная статья.**

Reference

(design of sample)

1. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p. – **book.**
2. Kamalov S.K. O geograficheskikh nazvaniyakh v epose «Edige» [About place names in the epic «Edige»], Istoriko-geograficheskie aspekty razvitiya Nogajskoj Ordy [Historical and geographical aspects of the development of the Nogai Horde] (Nauka, Mahachkala, 1993, P. 132–134). [in Russian]. – **article in a scientific collection.**
3. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. [Ulus Jochi (Golden Horde). CHII - middle of SWR c.] (Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan', 2009, 1056 p.). [in Russian]. – **collective monograph.**
4. Anichkin L.K. Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A. Usmanova [Golden Horde heritage. Issue 2. Materials of the Second International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, March 29-30, 2011. Kazan': LLC «Foliant», Institute of History. Sh. Mardzhani AS RT. 2011, 368 p. – **conference materials.**
5. Muhametov F.F. Mongol'skaya «YASA» i ee rol' v sisteme obshchestvennyh otnoshenij imperii CHingiskhana [Mongolian «YASA» and its role in the system of public relations of the empire of Genghis Khan], Voprosy istorii [history issues], 11(5), 150-155 (2007) – **Journal article.**
6. Malyshev A.B. Hristianstvo v istorii Zolotoj Ordy. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Christianity in the history of the Golden Horde. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Protected: 01/22/02 Saratov: Nauka, 2000, 181 p. [in Russian]. – **dissertation.**
7. Sabitov, ZH. M. Zolotaya Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Holden Horde - «stepdaughter» of Kazakhstani historiography], Molodoj uchenyj [Young scientist], 24 (104), 842-851 (2015). [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (Accessed: 7.09.2020). [in Russian]. – **electronic source.**

8. Logunova G.V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyaniya : ucheb.posobie. [Rus and the Golden Horde: the problem of mutual influence: textbook]. (Izd-vo IGU, Irkutsk, 2014, 110 p.). – **tutorial**.

9. Alim Dzh. Zolotaya Orda: nasledniki velikogo hanstva [Golden Horde: heirs of the great khanate]. Newspaper “Komsomol'skaya pravda”. №145. 2020. April. P.7-8, Almaty. – **newspaper article**.

В.В. Трепавлов

Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы

Алтын Орда басындағы Едіге: шағатай эмиграциясының тәжірибесі

Аннотация: XIV ғ. екінші жартысында бұрынғы Моңғол империясының ұлыстық хандықтарында билік құрған Шыңғыс әулеттерінің қуаты әлсірей бастады. Билік шын мәнінде түркілік ру-тайпа ақсүйектерінің тегеурінді өкілдерінің қолдарына көшті. Шағатай ұлысында Темірдің толық әмірін жүргізуі шыңғыстекті монархтардың тозғынға ұшырауының ең айқын көрінісі болды. Мақалада маңғыт бегі Едігенің Темір сарайында ұзақ уақыт болуы арқасында осы мысалдан үлгі алып, оның негізгі қағидаларын Алтын Орданы басқаруы барысында іске жаратқаны көрсетіледі. Екі онжылдық бойына Едіге хан тағын өзі қалаған адамдарға ұсына отырып, олардың бас бегі боп саналды. Оның үстіне, Темірдің айналасындағы дін ғұламаларымен тығыз араласуы нәтижесінде Едіге өзінің рухани бағдарларын қалыптастырып, кейіннен онысын Алтын Орда көшпелілерін мұсылмандық жолына бұру әрекеттері кезінде пайдаланды... [100-200 сөз]

Ключевые слова: Едіге, Темір, Алтын Орда, шыңғыстектілер, бектербегі [5-7 сөз/сөз тіркесі]

В.В. Трепавлов

Институт Российской истории Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

Едыгей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции

Аннотация: Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных прерогатив монархов-чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едыгей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едыгей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едыгея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды... [100-200 слов]

Ключевые слова: Едыгей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек [5-7 слов/словосочетаний]

Information about author:

Trepavlov Vadim Vinserovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Автор туралы мәлімет:

Трепавлов Вадим Винсерович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РФА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Сведения об авторе:

Трепавлов Вадим Винсерович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Дм.Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

МАҚАЛАНЫ БЕЗЕНДІРУГЕ ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР

1. Журналда жарияланғысы келетін авторлар өз мақалаларын turkicstudies@gmail.com электрондық мекенжайына жіберуі тиіс.
2. Жарияланым тілі: қазақ, ағылшын, орыс.
3. Мақаланың көлемі – 7-15 бет.
4. Мақала мәтіні келесі тәртіп бойынша рәсімделеді:
 - Автордың/авторлардың аты-жөні, ортасында туралау, қалың кіші әріптер.
 - Жұмыс орны, қаласы, елі; ортасында туралау, курсивті қаріп.
 - Мақаланың атауы – ортасында, шегініссіз, қалың кіші әріптер.
 - Аннотация (100-200 сөз). Мақала тіліндегі кілт сөздер (5-10 сөз).
 - Мақала мәтіні.....
 - Әдебиеттер тізімі (мақала тілінде) және ағылшын тілінде.
 - Аннотация және кілт сөздер басқа екі тілде (таяу және алыс шетел авторлары бұл деректерді ағылшын және орыс тілдерінде бере алады, қазақ тіліне журналдың редакциясы аударады).
 - Мақала соңында автор туралы ақпарат үш тілде (қазақ, ағылшын, орыс): аты-жөні (толық), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, ЖОО (ғылыми ұйым) атауы, мекен-жайы, қаласы, елі.
5. Мәтінді, формулаларды және кестелерді теру үшін Windows жүйесіне арналған Microsoft Word редакторы пайдаланылады. Мәтін редакторының параметрлері: барлық шеті – 2 см; ені бойынша теңестіріледі; қарпі – Times New Roman, өлшемі – 12; жоларалық интервал – 1,15; абзацтық шегініс – 1 см; беттің кескіні – кітап үлгісінде.
6. Мәтіндегі әдебиеттерге ретіне қарай жасалған сілтемелер шаршы жақша арқылы рәсімделеді, мысалы: [1, 277 б.]. Тізімнің қарпі – Times New Roman, өлшемі – 10, абзацтың алғашқы тармақ шегерімі – 0,5 см, жолдан жолға көшу арқылы ені бойынша теңестіріледі.
7. Әдебиеттер тізімі екі үлгіде: 1) мақала тілінде дәйексөздердің берілуіне қарай; 2) латын транслитерациясы, оның шеңберінде шаршы жақша ішінде ағылшын тіліне аударма ұсынылады (*мақаланы рәсімдеу үлгісін қараңыз*).
8. Талаптар шолуларға, рецензияларға және есімнамаларға қатысты қолданылады.
9. **Қолжазба орфографиялық және синтаксистік қателердің болмауы мен техникалық безендіру тұрғысынан мұқият тексерілуі тиіс. Техникалық талаптарға сай келмейтін мақалалар пысықтауға қайтарылады. Пысықтауға қайтару қолжазба жариялануға қабылданған жоқ дегенді білдірмейді.**

Мақаланы безендіру үлгісі

FTAMP 03.91.03 (мына сілтеме бойынша анықталады: <http://grnti.ru/>)

В.В.Трепавлов

Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы

Алтын Орда басындағы Едіге: шағатай эмиграциясының тәжірибесі

Аннотация: XIV ғ. екінші жартысында бұрынғы Моңғол империясының ұлыстық хандықтарында билік құрған Шыңғыс әулеттерінің қуаты әлсірей бастады. Билік шын мәнінде түркілік ру-тайпа ақсүйектерінің тегеурінді өкілдерінің қолдарына көшті. Шағатай ұлысында Темірдің толық өмірін жүргізуі шыңғыстекті монархтардың тозғынға ұшырауының ең айқын көрінісі болды. Мақалада маңғыт бегі Едігенің Темір сарайында ұзақ уақыт болуы арқасында осы мысалдан үлгі алып, оның негізгі қағидаларын Алтын Орданы басқаруы барысында іске жаратқаны көрсетіледі. Екі онжылдық бойына Едіге хан тағын өзі қалаған адамдарға ұсына отырып, олардың бас бегі боп саналды. Оның үстіне, Темірдің айналасындағы дін ғұламаларымен тығыз араласуы нәтижесінде Едіге өзінің рухани бағдарларын қалыптастырып, кейіннен онысын Алтын Орда көшпелілерін мұсылмандық жолына бұру әрекеттері кезінде пайдаланды... [100-200 сөз]

Ключевые слова: Едіге, Темір, Алтын Орда, шыңғыстектілер, бектербегі [5-7 сөз/сөз тіркесі]

МАҚАЛАНЫҢ НЕГІЗГІ МӘТІНІ

Мақаланың негізгі мәтінінде келесі құрылымдық элементтер болуы керек:

- Кіріспе
- Материалдар және зерттеу әдістері

- Тақырыптың зерттелу дәрежесі
- Талдау
- Нәтижелер
- Қорытынды

Әдебиет

(безендіру үлгісі)

1. Manz B.F. Тамерланның өрлеуі мен ережесі. – Кембридж: Нью-Йорк; Порт Честер; Мельбурн; Сидней; Кембридж университетінің баспасы, 1989. – 240 б. – **ағылшын тіліндегі кітап**
2. Камалов С.Қ. «Едіге» эпосындағы географиялық атаулар туралы // Ноғай Ордасы дамуының тарихи-географиялық аспектілері. – Махачкала: Ғылым, 1993. – 132–134 б. – **ғылыми жинақтағы мақала.**
3. Жошы Ұлысы (Алтын Орда). XIII-XV ғасырдың ортасы. – Қазан: Татарстан Республикасы Ғылым академиясының Тарих институты, 2009. – 1056 б. – **ұжымдық монография.**
4. Аничкин Л.К. Алтын Орда мұрасы // М.А.Усмановты еске алуға арналған «Алтын Орданың саяси және әлеуметтік-экономикалық тарихы» атты екінші Халықаралық ғылыми конференция материалдары. Қазан, 29-30 наурыз, 2011 жыл. – Қазан: «Фолиант» ООО, ТР ҒА Ш.Маржани атындағы Тарих институты, 2011. – 368 б. – **конференция материалдары.**
5. Мұхаметов Ф.Ф. Моңғолша «Яса» және оның Шыңғыс хан империясының қоғамдық қатынастар жүйесіндегі рөлі // Тарих мәселелері. – 2007. – Т. 11. - № 5. – Б. 150-155. – **Журнал мақаласы.**
6. Малышев А.Б. Алтын Орда тарихындағы христиан діні: тарих ғылымдарының кандидаты дәрежесін алу үшін қорғалған диссертация: 01.22.02. – Саратов: Ғылым, 2000. – 181 б. – **диссертация.**
7. Сабитов Ж.М. Алтын Орда - қазақстандық тарихнаманың «өгей перзенті». // Жас ғалым. – 2015. – Т. 104. - № 24. – Б. 842-851. [Электрондық ресурс] - URL: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (кіру күні: 09.07.2020). – **электрондық ақпарат көзі.**
8. Логунова Г.В. Ресей және Алтын Орда: өзара ықпал мәселесі: оқу құралы. – Иркутск: ИМУ баспасы, 2014. – 110 б. – **оқулық.**
9. Алим Дж. Алтын Орда: ұлы хандықтың мұрагерлері // «Комсомольская правда» газеті. – №145. -2020. – 1 сәуір. – Б.7-8.– **газет мақаласы.**

Reference

(design of sample)

1. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p. – **book.**
2. Kamalov S.K. O geograficheskikh nazvaniyah v epose «Edige» [About place names in the epic «Edige»], Istoriko-geograficheskie aspekty razvitiya Nogajskoj Ordy [Historical and geographical aspects of the development of the Nogai Horde] (Nauka, Mahachkala, 1993, P. 132–134). [in Russian]. – **article in a scientific collection.**
3. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. [Ulus Jochi (Golden Horde). CHII - middle of SWR c.] (Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan', 2009, 1056 p.). [in Russian]. – **collective monograph.**
4. Anichkin L.K. Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A. Usmanova [Golden Horde heritage. Issue 2. Materials of the Second International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, March 29-30, 2011. Kazan': LLC «Foliant», Institute of History. Sh. Mardzhani AS RT. 2011, 368 p. – **conference materials.**
5. Muhametov F.F. Mongol'skaya «YASA» i ee rol' v sisteme obshchestvennyh otnoshenij imperii CHingiskhana [Mongolian «YASA» and its role in the system of public relations of the empire of Genghis Khan], Voprosy istorii[history issues], 11(5), 150-155 (2007) – **Journal article.**
6. Malyshev A.B. Hristianstvo v istorii Zolotoj Ordy. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Christianity in the history of the Golden Horde. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Protected: 01/22/02 Saratov: Nauka, 2000, 181 p. [in Russian]. – **dissertation.**
7. Sabitov, ZH. M. Zolotaya Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Holden Horde - «stepdaughter» of Kazakhstanian historiography], Molodoj uchenyj[Young scientist], 24 (104), 842-851 (2015). [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (Accessed: 7.09.2020). [in Russian]. – **electronic source.**

8. Logunova G.V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyaniya : ucheb.posobie. [Rus and the Golden Horde: the problem of mutual influence: textbook]. (Izd-vo IGU, Irkutsk, 2014, 110 p.). – **tutorial**.

9. Alim Dzh. Zolotaya Orda: nasledniki velikogo hanstva [Golden Horde: heirs of the great khanate]. Newspaper “Komsomol'skaya pravda”. №145. 2020. April. P.7-8, Almaty. – **newspaper article**.

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

Edigü at the head of the Golden Horde: the experience of his Chagatai emigration

Abstract: In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how

Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (beqlerbegi). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads. **[100-200 words]**

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi **[5-7 words/word combinations]**

В.В. Трепавлов

Институт Российской истории Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

Едыгей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции

Аннотация: Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных prerogatives монархов-чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едыгей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едыгей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едыгея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды... **[100-200 слов]**

Ключевые слова: Едыгей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек **[5-7 слов/словосочетаний]**

Автор туралы мәлімет:

Трепавлов Вадим Винцерович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РФА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Trepavlov Vadim Vinserovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Сведения об авторе:

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Дм.Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Авторы, желающие опубликоваться в журнале, должны отправлять статьи на электронный адрес: turkicjournal@gmail.com
2. Язык публикаций: казахский, английский, русский.
3. Объем статьи – 7-15 страниц.
4. Статья оформляется в следующем порядке:
 - Ф.И.О. автора/авторов, выравнивание по центру, жирные строчные буквы.
 - Место работы, город, страна; выравнивание по центру, курсив
 - Название статьи – по центру, без отступа, жирные строчные буквы.
 - Аннотация (100-200 слов). Ключевые слова (5-10 слов) на языке статьи.
 - Текст статьи
 - Литература (на языке статьи) и Reference на английском языке.
 - Аннотация и ключевые слова на двух других языках (авторы из ближнего и дальнего зарубежья эти данные могут дать на английском и русском языках, на казахский язык переводятся редакцией журнала).
 - Информация об авторе в конце статьи дается на трех языках (русском, казахском, английском): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, название вуза, адрес, город, страна.
5. Для набора текста, формул и таблиц используется редактор Microsoft Word для Windows. Параметры текстового редактора: поля – 2 см со всех сторон; выравнивание по ширине; шрифт – Times New Roman, размер – 12; межстрочный интервал – 1,15; абзацный отступ – 1 см; ориентация листа – книжная.
6. Ссылки в тексте на соответствующий источник из списка литературы оформляются в квадратных скобках, например: [1, с. 277]. Шрифт самого списка – Times New Roman, размер - 10, первая строка абзаца – с выступом 0,5 см, выравнивание по ширине с переносами.
7. Список литературы предоставляется в двух вариантах: 1) по мере цитирования на языке статьи; 2) латинской транслитерацией, в рамках которого в квадратных скобках дается перевод на английский язык (см. Образец: Reference).
- 8 Требования распространяются на научные обзоры, рецензии и персоналии.
9. **Статья должна быть тщательно выверена на орфографические и синтаксические ошибки и техническое оформление. Статьи, не соответствующие техническим требованиям, будут возвращены на доработку. Возвращение на доработку не означает, что рукопись не принята к публикации.**

Образец оформления статьи

МРНТИ 03.91.03 (определяется по ссылке: <http://grnti.ru/>)

В.В. Трепавлов

Институт Российской истории Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

Едыгей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции

Аннотация: Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных прерогатив монархов-чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едыгей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едыгей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едыгея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды... **[100-200 слов]**

Ключевые слова: Едыгей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек [5-7 слов/словосочетаний]

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Основной текст статьи должен содержать следующие структурные элементы:

- Введение
- Материалы и методы исследования
- Степень изученности темы
- Анализ
- Полученные результаты
- Вывод

Литература

(образец оформления)

1. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. -Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. -240 p. – **книга на английском языке**
2. Камалов С.К. О географических названиях в эпосе «Эдиге» // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. – Махачкала: Наука, 1993. – С. 132–134. – **статья в научном сборнике.**
3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с. – **коллективная монография.**
4. Аничкин Л.К. Золотоордынское наследие // Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 368 с. – **материалы конференции.**
5. Мухаметов Ф.Ф. Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана // Вопросы истории. – 2007. – Т. 11. - № 5. - С. 150-155. – **статья в журнале.**
6. Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: защищена: 22.01.02 – Саратов: Наука, 2000. – 181 с. – **диссертационная работа.**
7. Сабитов Ж.М. Золотая Орда – «падчерица» казахстанской историографии. // Молодой ученый. -2015. – Т. 104. - № 24. – С. 842-851. [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (дата обращения: 07.09.2020). – **электронный источник.**
8. Логунова Г.В. Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: учеб.пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 110 с. – **учебное пособие.**
9. Алим Дж. Золотая Орда: наследники великого ханства//Газета «Комсомольская правда». - №145. – 2020. – 1 апреля. – С.7-8.– **газетная статья.**

Reference

(design of sample)

1. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p. – **book.**
2. Kamalov S.K. O geograficheskikh nazvaniyakh v epose «Edige» [About place names in the epic «Edige»], Istoriko-geograficheskie aspekty razvitiya Nogajskoj Ordy [Historical and geographical aspects of the development of the Nogai Horde] (Nauka, Mahachkala, 1993, P. 132–134). [in Russian]. – **article in a scientific collection.**
3. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. [Ulus Jochi (Golden Horde). CHII - middle of SWR c.] (Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan', 2009, 1056 p.). [in Russian]. – **collective monograph.**
4. Anichkin L.K. Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A. Usmanova [Golden Horde heritage. Issue 2. Materials of the Second International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, March 29-30, 2011. Kazan': LLC «Foliant», Institute of History. Sh. Mardzhani AS RT. 2011, 368 p. – **conference materials.**
5. Muhametov F.F. Mongol'skaya «YASA» i ee rol' v sisteme obshchestvennyh otnoshenij imperii CHingiskhana [Mongolian «YASA» and its role in the system of public relations of the empire of Genghis Khan], Voprosy istorii [history issues], 11(5), 150-155 (2007) – **Journal article.**
6. Malyshev A.B. Hristianstvo v istorii Zolotoj Ordy. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Christianity in the history of the Golden Horde. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Protected: 01/22/02 Saratov: Nauka, 2000, 181 p. [in Russian]. – **dissertation.**
7. Sabitov, ZH. M. Zolotaya Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Holden Horde - «stepdaughter» of Kazakhstani historiography], Molodoj uchenyj [Young scientist], 24 (104), 842-851 (2015). [Electronic

resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (Accessed: 7.09.2020). [in Russian]. – **electronic source**.

8. Logunova G.V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyaniya : ucheb.posobie. [Rus and the Golden Horde: the problem of mutual influence: textbook]. (Izd-vo IGU, Irkutsk, 2014, 110 p.). – **tutorial**.

9. Alim Dzh. Zolotaya Orda: nasledniki velikogo hanstva [Golden Horde: heirs of the great khanate]. Newspaper “Komsomol'skaya pravda”. №145. 2020. April. P.7-8, Almaty. – **newspaper article**.

В.В. Трепавлов

Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы

Алтын Орда басындағы Едіге: шағатай эмиграциясының тәжірибесі

Аннотация: XIV ғ. екінші жартысында бұрынғы Моңғол империясының ұлыстық хандықтарында билік құрған Шыңғыс әулеттерінің қуаты әлсірей бастады. Билік шын мәнінде түркілік ру-тайпа ақсүйектерінің тегеурінді өкілдерінің қолдарына көшті. Шағатай ұлысында Темірдің толық әмірін жүргізуі шынғыстекті монархтардың тозғынға ұшырауының ең айқын көрінісі болды. Мақалада маңғыт бегі Едігенің Темір сарайында ұзақ уақыт болуы арқасында осы мысалдан үлгі алып, оның негізгі қағидаларын Алтын Орданы басқаруы барысында іске жаратқаны көрсетіледі. Екі онжылдық бойына Едіге хан тағын өзі қалаған адамдарға ұсына отырып, олардың бас бегі боп саналды. Оның үстіне, Темірдің айналасындағы дін ғұламаларымен тығыз араласуы нәтижесінде Едіге өзінің рухани бағдарларын қалыптастырып, кейіннен онысын Алтын Орда көшпелілерін мұсылмандық жолына бұру әрекеттері кезінде пайдаланды... **[100-200 сөз]**

Ключевые слова: Едіге, Темір, Алтын Орда, шыңғыстектілер, бектербегі **[5-7 сөз/сөз тіркесі]**

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

Edigü at the head of the Golden Horde: the experience of his Chagatai emigration

Abstract: In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how

Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (beqlerbegi). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads. **[100-200 words]**

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi **[5-7 words/word combinations]**

Сведения об авторе:

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Дм.Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Трепавлов Вадим Винцерович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РФА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Trepavlov Vadim Vinserovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.